

ЛЕВ ГУМИЛЕВ

ДРЕВНИЕ
ТЮРКИ

Степная трилогия

Лев Гумилев

Древние тюрки

«ФТМ»

Гумилев Л. Н.

Древние тюрки / Л. Н. Гумилев — «ФТМ», — (Степная трилогия)

ISBN 5-306-00313-3

«Древние тюрки» – знаменитая работа гениального русского историка, географа и мыслителя Льва Николаевича Гумилева (1912-1992), посвященная сравнительно малоизученному периоду мировой истории VI – VIII вв. н.э., совпавшему с образованием и расцветом Великого тюркского каганата. Осуществленный автором анализ этнических, политических и религиозных аспектов бытия этой державы представлен в присущей автору увлекательной и образной манере повествования.

ISBN 5-306-00313-3

© Гумилев Л. Н.
© ФТМ

Содержание

От автора	5
Введение	6
Часть первая	8
Глава первая	8
Перемены на Желтой реке	8
Жужани и телеуты	9
Жужаньское ханство	11
Глава вторая	12
Война жужаньского ханства с империей Вэй	12
Телеутское ханство – Гаогюй	13
Распри в Жужани	14
Потомки волчицы	16
Глава третья	19
Начало истории древних тюрков (тюркютов)	19
Разгром Жужани	20
Война на востоке	21
Война на западе	23
Авары в Причерноморье	25
Разгром эфталитов	27
Глава четвертая	29
Караванная торговля	29
Согдиец Маниах	30
Дележ эфталитского наследства	32
Война с Византией	32
Китай и караванный путь	34
Глава пятая	36
Власть и народ	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Лев Николаевич Гумилев

Древние тюрки

*Посвящаю эту книгу нашим братьям – тюркским народам
Советского Союза*

От автора

Эта книга была начата 5 декабря 1935 г. С тех пор она неоднократно переделывалась и пополнялась. Однако она не исчерпала всего обилия материала и не осветила всех проблем, связанных с историей древних тюрков. Поэтому продолжение исследований не только желательно, но и необходимо.

Я на всю жизнь сохраню память о тех, кто помог мне выполнить эту работу и кого уже давно нет среди нас, – о моем замечательном предшественнике Г. Е. Грумм-Гржимайло, о моих наставниках Н. В. Кюнере, А. Ю. Якубовском и академике В. В. Струве.

Пользуюсь случаем выразить свою признательность моему учителю М. И. Артамонову, профессорам С. Л. Тихвинскому и С. В. Калеснику, рекомендовавшим книгу для печати, моим друзьям Л. А. Вознесенскому, Д. Е. Алшибая.

Я благодарю также всех моих рецензентов за советы и критику: И. П. Петрушевского, В. В. Мавродина, М. А. Гуковского, А. П. Окладникова, М. В. Воробьева, А. Ф. Анисимова, Б. И. Кузнецова, С. И. Руденко, Т. А. Крюкову. И наконец, благодарю нашу общую alma mater – Ленинградский университет, где я обучился высокому ремеслу историка.

Введение

Тема и ее значение

История человечества изучена крайне неравномерно. В то время как последовательность событий и смен общественных формаций в Европе и на Ближнем Востоке была изложена в общедоступных сводных работах уже в конце XIX в., а Индия и Китай описаны в начале XX в., огромная территория евразийской степи еще ждет своего исследователя. Особенно это касается периода до появления на исторической арене Чингисхана, когда в центральноазиатской степи сложились и погибли два замечательных народа – хунны [см.: 63] и древние тюрки, а также много других, не успевших прославить свои имена.

Было бы ошибкой считать, что все они только повторяют друг друга, хотя их способ производства – кочевое скотоводство – действительно является наиболее устойчивой формой хозяйства, почти не поддающейся усовершенствованию. Но формы быта, учреждения, политика и место в мировой истории у хуннов и древних тюрков совершенно различны, как были различны их судьбы.

На фоне мировой истории история древнетюркского народа и созданной им державы сводится к вопросу: почему тюрки возникли и почему исчезли, оставив свое имя в наследство многим народам, которые отнюдь не являются их потомками? Попытки решить эту проблему путем анализа только политической истории или только социальных отношений делались неоднократно, но не дали результатов. Древние тюрки, несмотря на их огромное значение в истории человечества, были малочисленны, и тесное соседство с Китаем и Ираном не могло не отразиться на их внутренних делах. Следовательно, социальная и политическая история этих стран тесно переплетены, и для восстановления хода событий мы должны держать в поле зрения и ту и другую. Не меньшую роль играли изменения экономической конъюнктуры, в частности связанные с высоким или низким уровнем вывоза китайских товаров и заградительными мероприятиями иранского правительства.

Поскольку границы тюркского каганата в конце VI в. сомкнулись на западе с Византией, на юге с Персией и даже Индией, а на востоке с Китаем, то естественно, что перипетии истории этих стран в рассматриваемый нами период связаны с судьбами тюркской державы. Образование ее стало в какой-то мере переломным моментом в истории человечества, потому что до сих пор средиземноморская и дальневосточная культуры были разобщены, хотя и знали о существовании друг друга. Бескрайние степи и горные хребты препятствовали сношениям Востока и Запада. Только позднее изобретение металлических стремян и выючной упряжи, заменившей телеги, позволило караванам сравнительно легко форсировать пустыни и перевалы. Поэтому с VI в. китайцам пришлось считаться с ценами на константинопольском рынке, а византийцам подсчитывать число копеечников китайского царя.

В этой ситуации тюрки не только играли роль посредников, но одновременно развивали и собственную культуру, которую они считали возможным противопоставить культуре Китая, и Ирана, и Византии, и Индии. Эта особенная степная культура имела древние традиции и глубокие корни, но известна нам в значительно меньшей степени, чем культура оседлых стран. Причина, конечно, не в том, что тюрки и другие кочевые племена были менее одарены, чем их соседи, а в том, что остатки их материальной культуры – войлок, кожа, дерево и мех – сохраняются хуже, чем камень, а потому среди западноевропейских ученых возникло ошибочное мнение, что кочевники были «трутнями человечества» (Виолле ле-Дюк). Ныне археологические работы, проводимые в южной Сибири, Монголии и Средней Азии, ежегодно опровергают это мнение, и вскоре наступит время, когда мы сможем говорить об искусстве древних тюрков. Но еще более, чем материальная культура, поражают исследователя сложные формы обще-

ственного бытия и социальные институты тюрков: эль, удельно-лествичная система, иерархия чинов, военная дисциплина, дипломатия, а также наличие четко отработанного мировоззрения, противопоставляемого идеологическим системам соседних стран.

Несмотря на все сказанное, путь, на который вступило древнетюркское общество, был гибельным, так как противоречия, возникшие в степи и на ее границах, оказались непреодолимыми. В критические моменты подавляющее большинство степного населения отказывало ханам в поддержке, и это привело в 604 г. к распадению каганата на Западный и Восточный, в 630 и 659 гг. – к потере самостоятельности (правда, возвращенной в 679 г.) и к гибели народа в 745 г. Конечно, эта гибель народа еще не означала уничтожения всех людей, его составлявших. Часть их подчинилась уйгурам, унаследовавшим власть в степи, а большинство укрылось в китайских пограничных войсках. В 756 г. эти последние подняли восстание против императора династии Тан. Остатки тюрков приняли в нем деятельное участие и вместе с прочими повстанцами были изрублены в куски. Это был уже подлинный конец и народа и эпохи (а следовательно, и нашей темы).

Однако имя «тюрк» не исчезло. Больше того, оно распространилось на пол-Азии. Арабы стали называть тюрками всех воинственных кочевников к северу от Согдианы, и те приняли это название, ибо первоначальные носители его после исчезновения с лица земли стали для степняков образцом доблести и геройства. В дальнейшем этот термин еще раз трансформировался и стал названием языковой семьи. Так сделались «тюрками» многие народы, никогда не входившие в великий каганат VI – VII вв. Некоторые из них были даже не монголоиды, как, например, туркмены, османы, азербайджанцы. Другие были злейшими врагами каганата: курыканы – предки якутов и кыргызы – предки хакасов. Третьи сложились раньше, чем сами древние тюрки, например балкарцы и чувашаи. Но даже то распространенное лингвистическое толкование, которое ныне придается термину «тюрк», имеет под собой определенное основание: древние тюрки наиболее ярко претворили в жизнь те начала степной культуры, которые зрели еще в хуннское время и находились в состоянии анабиоза в безвременье III – V вв.

Итак, значение древних тюрков в истории человечества было огромным, но история этого народа до сих пор не написана. Она излагалась попутно и сокращенно, что позволяло обходить трудности источниковедческого, ономастического, этнонимического и топонимического характера. Трудности эти столь велики, что данная работа не претендует на построение дефиниций. Автор надеется лишь на то, что она послужит ступенью к решению проблемы.

Книга задумана как опыт совмещения методов исторического анализа и синтеза. Анализ подвергнуты отдельные явления истории древних тюрков и народов, с ними связанных или им предшествовавших. Сюда же относится критика источников и проблемы ономастики и этногенеза. Синтезом является осмысление истории тюркютов¹, голубых² тюрков и уйгуров³ как единого процесса, образовавшего в аспекте периодизации определенную целостность, а также нанесение описанного явления на канву всемирной истории.

¹ Тюрки Первого каганата (546–658 гг.).

² Кок-тюрк – тюрки Второго каганата (678–747 гг.).

³ Имеется в виду только ханство кочевых уйгуров (747–847 гг.), оседлые уйгуры позднейшего времени здесь не рассматриваются.

Часть первая Великий Тюркский Каганат

***Глава первая* Накануне (420–546)**

Перемены на Желтой реке

Великое переселение народов в Европе, сломившее в V в. одряхлевший Рим, в Восточной Азии произошло на 100 лет раньше. Во время, носящее в китайской истории название «эпоха пяти варварских племен» (304–399), Северный Китай был захвачен и покорен хуннами и сяньбийцами, основавшими там ряд эфемерных государств, похожих на варварские королевства готов, бургундов и вандалов. Как в Европе на Балканском полуострове устояла Восточно-Римская империя, так и в Китае на берегах великой реки Янцзы удержалась самостоятельная Китайская империя – наследница империи Хань. Она была так же похожа на свою великую предшественницу, как ранняя Византия – на Рим эпохи расцвета, и также находила в себе силы лишь для обороны против варваров, наседавших с севера и запада. Слабые и бездарные императоры часто менявшихся династий⁴ оставили в жертву варварским вождям китайское население «Срединной равнины», как именовалась в то время долина Хуанхэ, и все-таки, несмотря на жестокий гнет чужеземцев и кровопролития при постоянных междоусобных войнах, китайцы в Северном Китае численно преобладали над победившими их народами, что и обусловило в VI в. возрождение Китая.

Племя тоба, победившее всех своих соперников⁵, поддалось обаянию китайской культуры. Созданное тобасцами раннефеодальное государство к 420 г. объединило весь Северный Китай в одну империю, которая получила китайское название – Вэй (386). Это был первый шаг тобасского хана к компромиссу с китайским населением, составлявшим абсолютное большинство его подданных. Начавшийся процесс ассимиляции кочевников привел к тому, что к концу V в. потомки тобасцев обрезают косы, а общение с покоренными подрывало их силы и традиции. Они даже перестали пользоваться родным языком и начали говорить по-китайски. Вместе с языком и одеждой они утратили степную доблесть и сплоченность, позволившие им некогда одержать победу, но все же не слились с китайским населением, которое упорно стремилось к воссозданию своего собственного государства.

Как только дворцовые перевороты и следовавшие за ними расправы ослабили власть династии Вэй, китайские полководцы, находившиеся на службе у сяньбийских императоров, оказались сильнее и энергичнее своих господ. В 531 г. на северо-востоке Гао Хуань поднял восстание, разбил тобасские войска и занял столицу – Лоян. Первоначально он действовал якобы в интересах династии и провозгласил императором одного из царевичей, но тот, страшась своего полководца, бежал на запад, в Чаньань, где нашел поддержку у другого воеводы, Юйвынь Тая, окитаившегося сяньбийца. Гао Хуань возвел на престол другого принца из той же династии Вэй. Таким образом, империя распалась на Западную Вэй и Восточную Вэй, но фактически правителями и тут и там были китайские полководцы, временно сохранявшие сяньбийских императоров как ширму. Это положение не могло длиться долго. Суровое господство

⁴ В 420 г. пала династия Цзинь, в 479 г. – Лю-Сун, в 502 г. – Южная Ци, в 557 г. – Лян.

⁵ Хуннов, муюнов, ди, юйвынь (предки татабов) и киданей.

сяньбийцев настолько ожесточило китайцев, что, когда сила оказалась в их руках, они не были склонны церемониться с побежденными. Юйвынь Тай отравил несколько подставных императоров, а его сын в 557 г. счел себя достаточно могущественным, чтобы упразднить ненавистную династию и основать свою собственную – Бэй-Чжоу⁶.

Еще более круто обошлись с сяньбийцами в Северо-Восточном Китае. В 550 г. наследник Гао Хуаня – Гао Ян, принудив последнего императора отречься от престола в свою пользу, отравил его. Императорские родственники в числе 721 человека были убиты, а тела их брошены в воду, чтобы лишить их погребения. Новая династия получила название Бэй-Ци.

Оба северных царства были довольно крепки экономически и политически. Китайское население, освободившись от господства иноплеменников, развивало бурную деятельность по восстановлению своей культуры. Однако соперничество, возникшее между Бэй-Чжоу и Бэй-Ци, связывало их силы и лишало их возможности вести активную политику.

На юге последние императоры династии Лян озабочивали свое правление произволом и преступлениями, а сменившая их династия Чэнь продолжала эти традиции. Дворцовый переворот 557 г. и казнь последнего лянского императора вызвали вооруженное сопротивление сторонников павшей династии. Повстанцы сумели отразить чэньские войска и создать в центре Китая небольшое государство Хоу-Лян.

Китай оказался раздробленным на четыре взаимно враждующих государства. Напряженная ситуация, сковавшая силы Китая, оказалась спасительной для двух небольших и относительно слабых кочевых держав: орды Жужань и царства Тогон (Ту-ю-хунь). Благодаря ослаблению нажима с юга они оказались среди ведущих государств Восточной Азии. Жужань, степное ханство, сложившееся в середине IV в., в начале VI в. пережило кризис, чуть было не погубивший его.

Но об этом речь впереди.

Царство Тогон лежало в степных нагорьях Цайдама. Еще в 312 г. небольшое сяньбийское племя с князьями из рода Муюн перекочевало из Южной Маньчжурии на запад и обосновалось около оз. Кукунор. Здесь оно вело успешные войны против разрозненных тибетских родов и весьма неудачные против тобасцев. В результате последних Тогон стал вассалом империи Вэй, но ее распад вернул тогонцам свободу. Во второй четверти VI в. князь Куалюй объявил себя ханом и в 540 г. отправил посольство к Гао Хуаню, став тем самым врагом Юйвынь Тая. Этот факт определил дальнейшую внешнюю политику Тогона, с которой мы столкнемся ниже. Несмотря на то что Тогон занимал обширную территорию, где были «города» [76, с. 84] (очевидно, укрепленные поселки), и имел уже организованное управление, по-видимому заимствованное от тобасцев, он не был сильным государством. Тибетские роды, покоренные оружием, мечтали об освобождении и мести; экономика была построена на экстенсивном скотоводческом хозяйстве; уровень культуры был невысок, а произвол ханов вызывал постоянные заговоры, измены и репрессии, которые подливали масла в огонь. Все эти обстоятельства ограничивали возможности Тогона и позднее привели его к бесславному концу.

Жужани и телеуты

Вопрос о происхождении народа жужаней ставился неоднократно, но окончательного решения не получил. Можно думать, здесь неправильна сама постановка вопроса, ибо надо говорить не о происхождении, а о сложении. У жужаней как у народа не было единого этнического корня. Происхождение жужаньского народа было несколько своеобразно. В смутные времена всегда бывало много людей, выбитых из седла и скомпрометированных. Немало таких оказалось и в середине IV в. Все, кто не мог оставаться в ставке тобасского хана или в столице

⁶ Что значит Северо-Чжоуская династия (Бэй – Северный).

хуннского шаньюя, бежали в степь. Туда же бежали от жестоких господ невольники, из армий – дезертиры, из обедневших деревень – нищие крестьяне. Общим у них было не происхождение, не язык, не вероисповедание, а судьба, обрекавшая их на нищенское существование; и она-то властно принуждала их организоваться.

В 50-х годах IV в. некто Югюлюй, бывший раб, служивший в сяньбийской коннице, был осужден на смерть. Ему удалось бежать в горы, и около него собралось около сотни подобных ему беглецов. Беглецы нашли возможность договориться с соседними кочевниками и жили совместно с ними.

Преемник Югюлюя, Гюйлюхой, установил отношения с тобасскими ханами и выплачивал им ежегодную дань лошадьми, соболями и куницами. Его орда получила название Жужань. Жужани кочевали по всей Халхе до Хингана, а ханская ставка их располагалась у Хангая. Быт и организация жужаней были одновременно весьма примитивны и чрезвычайно далеки от родового строя. Единицей, боевой и административной, считался полк в тысячу человек. Полк подчинялся предводителю, назначенному ханом. В полку было десять знамен по сто человек; каждое знамя имело своего начальника. Письменности у жужаней не было совсем; в качестве орудия счета применялся овечий помет или деревянные бирки с засечками. Законы соответствовали нуждам войны и грабежа: храбрецов награждали большей долей добычи, а трусов побивали палками [30, т. I, с. 209]. За 200 лет существования в жужаньской орде незаметно было никакого прогресса – все силы уходили на грабеж соседей.

На каком языке разговаривали между собой жужани? Китайские источники дают нам весьма разноречивые данные. «Вэйшу» видит в жужанях ветвь дунху. «Суншу», «Ляншу» и «Наньшу» [275, S. 18–19] считают их племенем, родственным хуннам, и, наконец, Бэй ши (?) приписывает Югюлюю гаогюйское происхождение [29, с. 101; 44, т. II, с. 174–175]. Сведения южнокитайских историков получены из вторых рук, а происхождение самого Югюлюя значения не имеет, так как ясно, что вокруг него собирались не единоплеменники. Скорее всего, жужани объяснялись по-сяньбийски, т. е. на одном из диалектов монгольского языка, так как, переводя титулы их ханов на китайский язык, китайский историк указывает, как они звучат в полдиннике – «на языке государства Вэй», т. е. на сяньбийском [30, т. I, с. 209 и сл.]. Сами жужани также считали себя одного происхождения с тоба [там же, с. 226], но, учитывая разноплеменность их народа, надо думать, что повод для такого утверждения дало сходство их языков, а не туманная генеалогия [44, с. 174–175; 160].

Основной силой жужанского ханства было умение держать в подчинении телеские племена. На заре своей истории, т. е. в III в. до и. э., телесцы жили в степи к западу от Ордоса. В 338 г. они подчинились тобасскому хану и в конце IV в. перекочевали на север, в Джунгарию, и распространились по Западной Монголии, вплоть до Селенги. Будучи разрозненными, они не могли оказать сопротивления жужаням и принуждены были платить им дань.

Телеские племена были очень нужны жужаням, но жужаньская орда была совсем не нужна телесцам. Жужани сложились из тех людей, которые избегали изнурительного труда, дети их предпочли вообще заменить труд добыванием дани.

Телесцы же занимались скотоводством, они хотели пасти свой скот и никому ничего не платить.

Сообразно этим склонностям сложились политические системы обоих народов: жужани слились в орду, чтобы с помощью военной мощи жить за счет соседей; теле оставались слабо связанной конфедерацией племен, но всеми силами отстаивали свою независимость.

Теле жили рядом с жужанями, но ничем не походили на них. Они рано вышли из состава империи Хунну, сохранив примитивный патриархальный строй и кочевой быт. Китаизация также не коснулась скромных кочевников, населявших глухие степи, где для китайцев не было ничего привлекательного. Теле не имели общей организации; каждый из 12 родов управлялся старейшиной – главой рода, причем «родственники живут в согласии» [30, т. I, с. 215].

Теле кочевали в степи, передвигаясь на телегах с высокими колесами, были воинственны, вольнолюбивы и не склонны ни к какой организованности. Самоназвание их было «теле»; оно до сих пор живет в алтайском этнониме – телеут. Потомки теле – якуты, теленгиты, уйгуры и др. Многие из них не сохранились до нашего времени.

Жужаньское ханство

В начале V в. в степи от Хингана до Алтая безраздельно господствовал хан жужаней Шелунь, по прозвищу Дэудай – «стреляющий на скаку из лука». Покорив телеские кочевья, он столкнулся со среднеазиатскими хуннами, осевшими на р. Или. Их главой был некто Жибаети. В упорном сражении на р. Онгин Жибаети разбил Шелуня, но справиться с жужаньской державой в целом не смог и «покорностью купил себе покой» [там же, с. 249].

Основной задачей Шелуня было не допустить усиления империи Тоба-Вэй, силы которой намного превосходили силы жужаньского хана. Только постоянные войны на юге Китая мешали тоба-вэйскому императору расправиться с отложившимися подданными, и потому Шелунь поддерживал всех врагов Тоба. В 410 г. Шелунь умер и ханом стал его брат Хулюй.

Хулюй оставил в покое Тоба и обратился на север, где подчинил себе енисейских кыргызов (иегу) и хэвэй (какое-то сибирское племя). В 414 г. он пал жертвой заговора, но и вождь заговорщиков Булчжень погиб в том же году. Ханом стал двоюродный брат Шелуня, Датань. Начало его правления ознаменовалось войной с Китаем, но набег жужаней оказался безрезультатным, так же как и карательная экспедиция, посланная им вслед. Положение осталось без изменения.

В 418–419 гг. возобновилась война между жужанями и среднеазиатскими хуннами и юэчжами⁷. Жужани проникли в Тарбагатай и навели там на всех такой страх, что вождь группы юэчжей Цидоло (Кидара), желая уйти от соседства с жужанями, перешел на юг и занял г. Боло [30, т. II, с. 264] в оазисе Карши [78, с. 201–207]⁸. Здесь он столкнулся с персами и эфталитами. Соратники Кидары – кидариты – известны в истории не под своим этническим названием, а по имени своего вождя.

⁷ Дата этой войны рассчитана следующим образом: Датань, воевавший с Юэбанью, вступил на престол в 414 г., в 415 г. он совершил набег на Китай – следовательно, был занят на востоке. Следующий поход на Китай имел место в 424 г. Значит, война с Юэбанью падает на этот промежуток. Уточнение достигается привлечением нумизматики. В 417 г. была выпущена монета с именем Кидары, но С. К. Кабанов считает датой кидаритского царства 420 г. [30, т. I, с. 189; т. II, с. 259; 78, с. 172].

⁸ Предположение Р. М. Гишмана, что столица кидаритов помещалась в Балхе [222, р. 79–80], не подтвердилось.

Глава вторая

Предки

Война жужаньского ханства с империей Вэй

420 год был кульминацией жужаньского могущества. Легкие победы над северными и западными племенами сделали Жужань гегемоном в Великой степи, но ни в коей мере не обеспечили этому ханству ни покоя, ни процветания. Главным врагом жужаней была империя Тоба-Вэй, и жужаньский хан Датань попытался сделать все возможное, чтобы не допустить усиления своего естественного соперника.

В 424 г. Датань с 60 тыс. конницы вторгся в Китай, дошел до столицы и разграбил императорский загородный дворец. Мобилизация тобасских войск и отсутствие дисциплины среди жужаней заставили его вернуться, не приняв боя. В 425 г. тобасцы отогнали жужаней за Гоби. В 430 г. император Тай-у-ди (Тоба Дао) решил уничтожить жужаней, для того чтобы развязать себе руки в Южном Китае. Огромное войско вошло в степи, и жужани рассеялись кто куда. Датань бежал на запад и пропал без вести. Телесцы убивали его людей. Сын Датаня, У-ди, отказался от продолжения борьбы и стал выплачивать империи Вэй дань. Однако мир был нарушен в 437 г. самим У-ди, произведшим набег. По-видимому, без грабежа жужани не мыслили своего существования. Ответный поход в 439 г. ничего не дал императору Тоба: пришлось вернуться, не встретив жужаней, поправавшихся по ущельям.

В 440 г. У-ди, воспользовавшись войной Тоба против Хэси, снова напал на границу, но оставленные на границе заслоны захватили в плен его авангард. Жужани вновь бежали. Та же история повторилась в 445 г., после чего У-ди умер, передав престол своему сыну Тухэчжю (445–464).

Теперь роли переменялись: империя Тоба-Вэй достигла своего зенита, а войска ее вторгались в степь, вынуждая жужаней прятаться в горах. По существу, это была не война, а просто карательные походы.

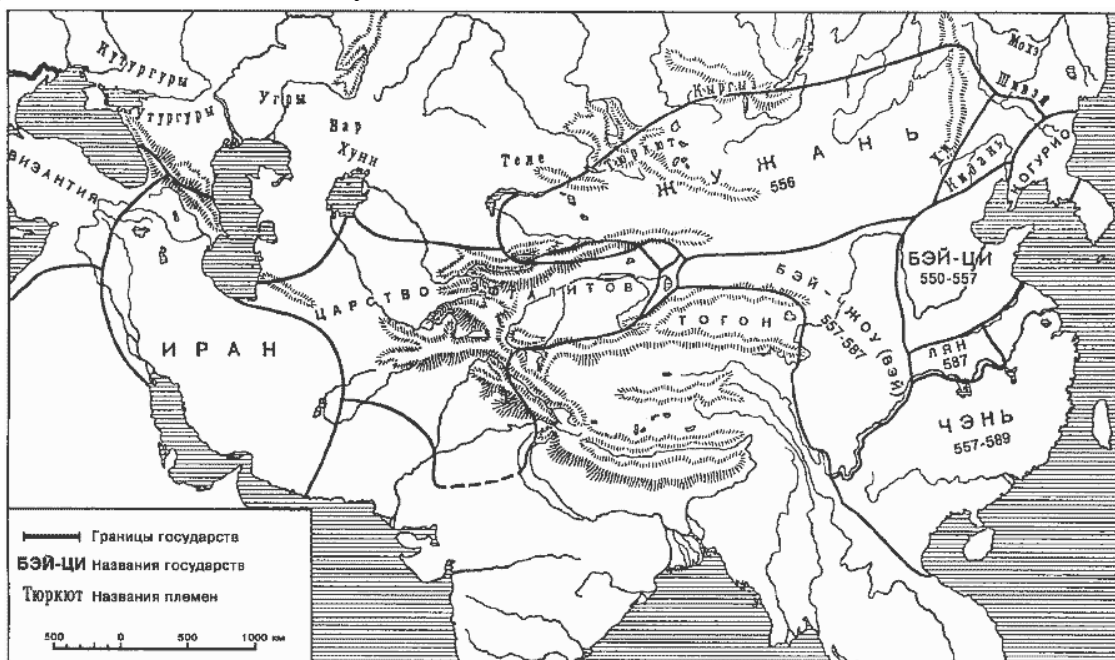
Сын и преемник Тухэчжя, Юйчен (464–485), попытался продолжать борьбу, но в 470 г. был разбит и в 475 г. просил мира и представил дань. Жужань ослабела, набеги на Китай стали непозволительной роскошью. Теперь в качестве объекта грабежа был избран более бедный и более слабый Западный край. В 460 г. жужани овладели Турфанской долиной, где расправились со своими бывшими союзниками – южными хуннами, бежавшими туда от победоносных тоба. В 470 г. жужани разграбили Хотан, но усилившееся государство эфталитов положило предел жужаньской агрессии. Границей Жужани стал Тянь-Шань.

Новый жужаньский хан, Доулунь (485–492), был «человек жестокий, склонный к убийствам» [30, т. 1, с. 195]. Свое вступление на престол он ознаменовал казнью одного из вельмож вместе со всем его родом. Это вызвало возмущение в стране. Еще больше не понравилось стремление хана напасть на Китай. Все понимали, что вслед за набегом, пусть даже удачным, последует поход китайских войск, об отражении которых нечего было и думать.

Телеский старейшина Афучжило настоятельно советовал хану не начинать войны с Китаем, но, убедившись, что его доводы не действуют, восстал со всем телеским народом. Количество теле в то время было немалым (по китайским данным, 100 тыс. кибиток). Тогда Афучжило откочевал на запад, в долину Иртыша. Там он принял титул «Великий сын Неба» [там же, с. 217], чем отразил претензию на равное место с жужаньским ханом, и война вспыхнула, как полымя.

В 490 г. китайские войска вступили в степь с востока и вместе с телесцами зажали Жужань в клещи. Жужаньские вельможи возложили всю ответственность на незадачливого хана и убили его (492).

Переход теле на запад был событием чрезвычайной важности: на западе эти разрозненные кочевники образовали свою державу⁹. В Азии снова начался процесс этногенеза. В это самое время в Алтайских горах сложились в народ тюрки, в долине Брахмапутры – тибетцы, а в Китае началось возрождение, давшее великолепную средневековую культуру династий Суй и Тан. Античный период истории Восточной Азии заканчивался, и уродливый пережиток его – Жужань должна была погибнуть.

Срединная Азия накануне создания тюркской державы – конец V в.

Телеутское ханство – Гаогюй

Отложение телеутов и государственный переворот 492 г. были переломным моментом в истории Жужани. Она потеряла гегемонию в Центральной Азии и принуждена была сражаться уже не за власть, а за существование. Сменивший убитого Доулуня Нагай правил всего один год. Он взял девиз своему правлению: «Весьма спокойно», т. е. отказался от воинственных замыслов своего предшественника. Сын Нагая, Футу, продолжал политику своего отца, пока это было возможно [30, т. I, с. 196].

Тем временем телеуты освоились на новоселье и уничтожили Юэбань, последний остаток хуннской эпохи. На новом месте телеуты попытались создать свое государство. Для этого они разделили народ на две половины: северный правитель Афучжило принял титул «Великий император», а южный – титул «Наследный государь» [там же, с. 217]. Как они сами называли свое государство – неизвестно, но китайцы называли его Гаогюй, что в переводе значит «высокая телега». Под этим наименованием оно и вошло в историю.

В политическом отношении Гаогюй держалось китайской ориентации, рассчитывая получить шелк на одежды, но этот шелк не пошел ему на пользу. В 494 г. эфталиты расправились с Ираном и, обеспечив себе тыл, повернули на север. Южная часть Гаогюйской державы

⁹ Удобным и правильным будет называть западных теле – телеутами, так как алтайские телеуты являются их потомками, а разобщенные племена восточных теле – телесцами, как принято в советской историографии.

была молниеносно разбита. «Наследный государь» убит, его семья взята в плен, а народ разбежался: часть подчинилась жужаням, часть ушла в китайские владения. В следующем, 496 г. так же быстро была завоевана и северная держава. Эфталиты выбрали из числа пленных князя Мивоту и поставили его над оставшимися телеутами. Итак, Гаогүй превратилось в вассала эфталитов, врага жужаней и союзника китайцев, которые заплатили ему за союз 60 кусков шелковых тканей [там же]. Видимо, в это время (497) эфталиты захватили Карашар, а правитель княжества Гаочан в Турфанском оазисе, китаец Жу, просил китайское правительство принять и перевезти на китайские земли его подданных. Вокруг Жужани замыкался стальной круг. Но гаочанцы не захотели бросать насиженного места и, убив своего правителя, присоединились к Жужани. Это несколько разрядило экономическую напряженность, так как земледельческий Гаочан мог снабжать Жужань хлебом, плодами и тканями; но это же усилило политическое напряжение, так как раздражило китайского императора Сюань-у-ди. На просьбу хана Футу о мире император заявил, что он единственно потому не имеет видов на север, что занят покорением Южного Китая, а вообще считает Футу и жужаней мятежными подданными [там же, с. 196]. Тем временем в Гаочане китаефилы восторжествовали и союз с Жужанью был расторгнут (500) [30, т. II, с. 251].

Для поддержки китайских интересов в Западном крае туда был направлен трехтысячный отряд регулярных войск под командованием Мын Вэя. Базируясь в Хами, он стеснил жужаней. Новое посольство Футу в Китай осталось без ответа. Против жужаней были подняты телеуты, которые должны были оплатить кровью свои 60 кусков шелка. При оз. Пулэй Мивоту разбил жужаней. Те бежали на юг, но в горах Бэйшаня встретили китайские отряды Мын Вэя. В панике бросившись обратно, жужани натолкнулись на телеутов и были снова разбиты (508). В резне погиб злополучный хан Футу. Мивоту отправил его скальп Мын Вэю. За это ему были присланы дары: полный набор музыкальных инструментов, 80 музыкантов, 10 кусков пунцовых и 60 кусков разноцветных шелковых тканей.

Наследник погибшего Футу, Чеуну, дважды пытался договориться с Китаем, но понял, что только сила может его спасти. В 516 г. он напал на Гаогүй, разбил Мивоту и, захватив его в плен, убил весьма своеобразным способом. Ноги пленника были связаны под животом клячи, которую гоняли до тех пор, пока Мивоту не умер от тряски. Череп Мивоту был потом покрыт лаком и превращен в чашу. Спасшиеся от жужаней телеуты примкнули к эфталитам [30, т. I, с. 218]. После этого посольство жужаньского хана принял император Вэй – Сяо мин-ди (518). Им был прочитан выговор за неточное исполнение вассальных обязанностей [там же, с. 197]. Такая формулировка допускала любой компромисс, и казалось, что Жужань вырвалась из безнадёжного положения.

Распри в Жужани

Чеуну сделал все возможное, для того чтобы спасти Жужань. Разгромив телеутов, он не продолжал войны на западе и заключил договор с эфталитами. Союз был скреплен браками жужаньских принцесс и эфталитских вельмож [там же, с. 203]¹⁰. На востоке жужани снеслись с Кореей (Гао-Гюйли), чтобы совместно разгромить одно из маньчжурских племен, дидэугань, и ослабить позиции дома Вэй в Маньчжурии [30, т. II, с. 74]. Так же благополучно разрешился турфанский вопрос. В 518 г. китайское правительство официально отказалось от мысли вывести население из Турфанского оазиса во Внутренний Китай и признало княжество Гаочан [там же, т. I, с. 252]. Надо полагать, торговля турфанцев с жужанями не прекратилась; жужани регу-

¹⁰ Очевидно, заключение жужаньско-эфталитского союза оборвало дружеские отношения эфталитского царства и империи Вэй. В 516–520 и 526 гг. эфталитские посольства направляются уже в Южный Китай, в империю Лян, и в этих переговорах можно усмотреть попытку организации антиобасской коалиции [227, р. 452–453].

лярно снабжались хлебом и тканями. Железные изделия доставляли жужаням их алтайские вассалы – тюркюты (тюрки-тукю).

Но единство в орде нарушилось. В Жужань проник буддизм. Как обычно, буддийские миссионеры первым делом сделали буддистом хана. В ставке появились «шамыни» – буддийские священники и «ни» – монахи. В новых условиях буддизм принимал фантастические формы: например, монахи имели законных мужей, но это, видимо, не смущало хана. Однако, несмотря на всю скудность сведений, можно утверждать, что далеко не всем буддизм нравился. Оппозиция возникла и в семье хана, и в войске. Жужань потеряла единство, которое ей было необходимо более чем когда-либо. В 513 г. во главе жужаньского посольства в Китай стоял шаман Хунсюань, который привез «идола, жемчугом обложенного» [30, т. I, с. 196]. Это первый случай в истории кочевников, когда духовное лицо выступало в светской роли.

Еще более показательно следующее. В жужаньской ставке жила молодая шаманка, по имени Дэу-хунь дивань. Бросается в глаза, что прозвище «дивань» было персидское: «одержимая». «Она лечила и волхвовала (т. е. шаманила силой духов), и Чеуну всегда имел веру к ней» [там же, с. 197]. Китайский летописец считает ее шарлатанкой и передает рассказ о ее мошенничестве, но нам интересно не это. «Чеуну очень уважал и любил ее и, поступая по ее советам, привел государственное управление в запутанность» [там же]. В орде возникла оппозиция фаворитке, и в 520 г., когда Чеуну был в походе, дивань удавили по приказанию ханши-матери, когда же Чеуну вернулся, мать в сговоре с вельможами убила его, а престол передала другому своему сыну – Анахуаню.

Десять дней спустя Чеуну был отомщен. Некто Шифа, родственник хана, напал на ставку и разбил ее. Анахуань успел бежать в Китай, а его мать и братья были убиты. Пока Анахуань вымаливал милость в Китае, его дядя Поломынь собрал своих сторонников и разбил Шифу. Шифа бежал в Маньчжурию к племени дидэугань [30, т. II, с. 79] и там был убит. Поломынь принял ханский титул. В 521 г. он был разбит восставшими телеутами и с остатком своих подданных откочевал в Китай. Жужань опять оказалась на пороге гибели.

Наконец-то Китай добился своего: оба жужаньских хана отдались в его руки. Приходящие с севера рассказывали, что «государство пришло в большое волнение. Каждый род отдельно живет, и попеременно грабят друг друга» [там же, т. I, с. 202].

Распрями воспользовались телеуты: младший брат замученного Мивоту, Ифу, восстановил государство Гаогюй и разбил в 521 г. жужаней Поломыня, загнав их в Китай [30, т. I, с. 219]. Осенью того же года бежал в Китай от гаогюйцев Синифа, брат Анахуаня, замещавший его. Китайское правительство решило закрепить успех. Поломыня с его приверженцами поселили внутри Китая, у оз. Кукунонор, а Анахуаня, который более втерся в доверие, за границей – к северу от Дуньхуана. Поломынь сразу же попытался бежать к эфталитам, так как три его сестры были замужем за эфталитским царем. Но Поломыня задержали, и он умер в тюрьме. У Анахуаня выдержки было больше. В 522 г. он выпросил 10 тысяч мешков проса для посева, но, видимо, жужани просо съели, и в результате в следующем году у них возник голод, который привел к грабежу китайского населения. Посланного для разбора дела китайского чиновника Анахуань задержал, ограбил все что мог поблизости и со всей ордой откочевал на север. Там китайский чиновник был отпущен. Посланная за Анахуанем погоня вернулась ни с чем [там же, с. 204]. Эта головокружительная авантюра спасла жужаней.

Империя Вэй разлагалась с поразительной быстротой, и каждый год создавалась новая политическая ситуация. Уже в 496 г. была потеряна Западная Маньчжурия, где взбунтовались хи (татабы) [30, т. II, с. 73]; активизировалась империя Лян в Южном Китае, и, наконец, в 524 г. на самом севере страны вспыхнуло и быстро разрослось восстание в крепости Войе. Анахуань вызвался подавить это восстание и весной 525 г. разбил бунтовщиков. За это он получил награду «разными вещами» и полное прощение. Теперь настала очередь Гаогюя. Оставшись один на один с телеутами, жужани разбили их наголову. Ифу был убит своим младшим братом

Юегюем, который попытался продолжать войну, но в 534–537 гг. был также разбит. Сын Ифу, Биди, убил своего дядю и возглавил сопротивление. В 540 г. Биди был разбит жужанями, и держава Гаогюй перестала существовать. Тем временем в Китае империя Вэй раскололась на восточную и западную части, боровшиеся между собой. Тут Анахуань выступил как гегемон, ибо обе стороны заискивали перед ним.

Это был последний луч кровавой жужаньской славы.

Потомки волчицы

Знание родословных и специальное изучение их было издавна характерно для центральноазиатских народов [148, т. I, с. 153]. При этом весьма любопытно, что многие из них называли своим родоначальником того или иного зверя. Так, тибетцы считали своими предками самца обезьяны и самку ракшаса (лесного духа), монголы – серого волка и лань, телесцы – тоже волка и дочь хуннского шаньюя, а тюрки – хуннского царевича и волчицу. Две последние легенды возникли очень давно, по-видимому еще в период обитания этих народов на южной окраине великой пустыни Гоби, так как мифология в некоторой степени корректируется фактами политической истории и этногенеза.

Среди племен, побежденных тобасцами при покорении ими Северного Китая, находились «пятьсот семейств Ашина»¹¹. Эти «пятьсот семейств» возникли «из смешения разных родов» [30, т. I, с. 221], обитавших в западной части Шэньси, отвоеванной в IV в. у китайцев хуннами и сяньбийцами¹². Ашина подчинялись хуннскому князю Муганю, владевшему Хэси (область к западу от Ордоса, между излучиной Хуанхэ и Наньшанем). Когда в 439 г. тобасцы победили хуннов и присоединили Хэси к империи Вэй, то князь «Ашина с пятьюстами семействами бежал к жужанцам и, поселившись по южную сторону Алтайских гор, добывал железо для жужанцев» [30, т. I, с. 221].

Текст повествует о происхождении не всего народа древних тюрков, а только их правящего клана. В этой версии происхождения древних тюрков ничего легендарного нет. По-видимому, Ашина был вождем небольшой дружины, состоявшей из удальцов, почему-либо не ужившихся в многочисленных сяньбийских и хуннских княжествах. Такие мелкие военные единицы, которые нельзя назвать государствами, постоянно возникали в мятежную эпоху III – V вв. и исчезали, не оставив следа.

Китайцы называли подданных ханов Ашина – Ту-кю. Это слово удачно расшифровано П. Пелльо как «тюрк + ют», т. е. «тюрки», но с суффиксом множественного числа не тюркским, а монгольским. В древнетюркском языке все политические термины оформляются монгольским множественным числом. Это дает основание думать, что они привнесены в тюркскую языковую среду извне.

Само слово «тюрк» значит «сильный, крепкий». Согласно А. Н. Кононову, это – собирательное имя, которое впоследствии превратилось в этническое наименование племенного объединения. Каков бы ни был первоначальный язык этого объединения, к V в., когда оно вышло на арену истории, всем его представителям был понятен межплеменной язык того времени – сяньбийский, т. е. древнемонгольский. Это был язык команды, базара, дипломатии. С этим языком Ашина в 439 г. перешли на северную окраину Гоби. Слово «Ашина» значило «волк». По-тюркски волк – *бури*, или *касқыр*, а по-монгольски *шоно/чино*. «А» – префикс уважения в китайском языке. Следовательно, «Ашина» значит «благородный волк» [62, с. 104–105. При-

¹¹ «Пятьсот семейств» – фигуральное выражение, означающее «немного» [62, с. 105].

¹² В китайской историографии эта эпоха носит название У-ху, т. е. «пять варварских племен». Перечень государств, образованных кочевниками на территории Китая [см.: 52, с. 658–662].

ведена литература]. Не подвергшееся китаизации слово сохранилось в арабской записи этого имени Шанэ [241, р. 289].

Вопрос о том, насколько правомерно называть ханов Ашина тотемистами, при современном состоянии наших знаний не может быть разрешен [206, р. 1–22 (отдельный оттиск)], но ясно, что название «волк» имело для тюрков VI в. огромное значение. Китайские авторы считают понятия «тюркский хан» и «волк» синонимами, видимо опираясь на воззрения самих тюркских ханов. Не случайно сяньбийская царица говорит про своего мужа, хана Шаболио: «Хан по его свойствам есть волк» [30, т. I, с. 237]; и в инструкции при нападении на тюрков сказано: «Таковую должно употребить меру: гнать кочевых и нападать на волков» [там же, с. 290; 198, р. 61]. Золотая волчья голова красовалась на тюркских знаменах [30, т. I, с. 229], и, наконец, в двух легендах о происхождении тюрков первое место принадлежит прародительнице-волчице [там же, с. 220 и сл.; 234, р. 327–328; 240, S. 5]. Для обеих несколько разнящихся легенд характерно то, что в них нет никакого намека на историческое событие – переход орды Ашина из Ганьсу. Поэтому, надо думать, легенды возникли на Алтае и, может быть, были созданы специально для того, чтобы обосновать права пришельцев на исключительное положение.

Первая легенда любопытна тем, что она знает об «отрасли дома Хунну от Западного края на запад», т. е. о державе Аттилы. Эта отрасль была начисто истреблена соседями; уцелел лишь один девятилетний мальчик, которому враги отрубили руки и ноги, а самого бросили в болото. Там от него забеременела волчица. Мальчика все-таки убили, а волчица убежала на Алтай и там родила десять сыновей. Род размножился, и «по прошествии нескольких колен некто Асянь-ше со всем аймаком вышел из пещеры и признал себя вассалом жужаньского хана». Итак, согласно этой легенде, алтайские тюрки-тукю (тюркют) происходят от западных гуннов, но не прямо, а мистически, через посредство волчицы, причем если учесть, что западные гунны были уничтожены около 468 г., а тюрки выступают как народ уже в 545 г., то можно было бы только подивиться скорости размножения их и смене поколений!

Вторая легенда выводит тюрков от местного рода Со и опять-таки от волчицы. Все представители рода Со, по легенде, погибли «из-за собственной глупости» (в чем она проявлялась, не объяснено), только четыре внука волчицы уцелели. Первый превратился в лебедя, второй поселился между реками Абу и Гянь под именем Цигу, а третий и четвертый – на р. Чуси (Чуе) в южном Алтае. Эта легенда объяснена Н. А. Аристовым, который сопоставил Со легенды с родом Со у кумандинцев – североалтайского племени на р. Бие, первого внука увязал с племенем лебединцев – ку-кижи, а второго – с кыргызами, жившими между Абаканом (Абу) и Енисеем (Гянь-Кем). Внук старшего сына – Асянь-ше первой легенды. Здесь они обе смыкаются [4, с. 5].

Предгорья Монгольского Алтая, куда попали беглецы, были населены племенами, происходившими от хуннов и говорившими на тюркских языках. С этими аборигенами слились дружинники князя Ашина и наделили их именем «тюрк», или «тюркют».

Судьба этого слова настолько примечательна и важна для нашей темы, что следует уделить этому сюжету особое внимание. Слово «тюрк» за 1500 лет несколько раз меняло значение. В V в. тюрками, как мы видели, называлась орда, сплотившаяся вокруг князя Ашина и составившая в VI – VIII вв. небольшой народ, говоривший уже по-тюркски. Но соседние народы, говорившие на том же языке, тюрками отнюдь не назывались. Арабы называли тюрками всех кочевников Средней и Центральной Азии без учета языка. Рашид-ад-Дин начал различать тюрков и монголов, очевидно, по языковому признаку, а в настоящее время «тюрк» – это исключительно лингвистическое понятие, без учета этнографии и даже происхождения, так как некоторые тюркоязычные народы усвоили тюркский язык при общении с соседями. При таком разном употреблении термина необходимо внести уточнение. Тот народ, история

которого описывается в нашей книге, во избежание путаницы мы будем называть тюркютами, так, как называли их жужани и китайцы VI в.¹³

Какого бы происхождения ни были те «пятьсот семейств», которые объединились под именем Ашина, между собою они объяснялись по-монгольски до тех пор, пока перипетии военного успеха не выбросили их из Китая на Алтай. Однако столетнее пребывание в тюркоязычной среде, разумеется, должно было способствовать быстрой перемене разговорной речи, тем более что «пятьсот семейств» монголов были каплей в тюркском море. Надо полагать, что к середине VI в. и члены рода Ашина, и их спутники были совершенно отюречены и сохранили следы монголоязычия лишь в титулатуре, которую принесли с собой.

На основании вышеизложенного видно, что происхождение тюркоязычия и возникновение народа, назвавшего себя «тюрк»/«тюркют», – явления совершенно разные. Языки, ныне называемые тюркскими, сложились в глубокой древности [19, с. 30], а народ «тюркютов» возник в конце V в. вследствие этнического смешения в условиях лесостепного ландшафта, характерного для Алтая и его предгорий. Слияние пришельцев с местным населением оказалось настолько полным, что через сто лет, к 546 г., они представляли ту целостность, которую принято называть древнетюркской народностью или тюркютами.

А сама тюркоязычная среда в то время уже успела распространиться далеко на запад от Алтая, в страны, где жили гузы, канглы, или печенеги, древние болгары и гунны.

¹³ Этот условный термин предложен нами в 1959 г. [см.: 48, с. 105; 7, с. 104].

Глава третья

Создание великой державы рода Ашина (545–581)

Начало истории древних тюрков (тюркютов)

Хотя история каждого народа уходит своими корнями в глубокую древность, у историков всех эпох есть стремление начать описание с даты, определяющей (по их мнению) возникновение народа. Так, римляне имели крайне условную дату – основание Рима, арабы вполне реальную – бегство Мухаммеда из Мекки в Медину, русские летописцы выбрали 862 г. и приурочили к нему «начало» русской истории, французские хронисты вели «начало» от Хлодвиг Меровинга, а историки по почину Огюстена Тьерри отнесли его к 843 г. – разделу империи Карла Великого и т. д. Для тюркютов такой датой оказался 545 г.

В Северном Китае разразилась новая война [207, р. 356]. Правитель Восточной империи Вэй, Гао Хуань, заключив союз с жужаньским ханом Анахуанем и тогонским царем Куа-люем [76, с. 85], напал на Западную империю Вэй и сильно стеснил своего соперника Юйвынь Тая; однако решающая победа союзникам в руки не далась. В поисках сторонников император Западной Вэй, Вэнь-ди, послал некоего Ань Нопаньто¹⁴ к тюркскому князю Бумыну¹⁵ для установления дружественных отношений.

Посланник, прибывший к тюркютам в 545 г. [234, р. 329]¹⁶, был принят радушно. «В орде все начали поздравлять друг друга, говоря: ныне к нам прибыл посланник от великой державы, скоро и наше государство возвысится». Этот, казалось бы, незначительный факт указывает, что господство жужаней было тягостно для тюркютов и неизбежность войны за свободу их не пугала.

Сообразуясь с настроениями своего народа, Бумын проявил нелояльность по отношению к своему сюзерену – жужаньскому хану, отправив в столицу Западной Вэй, Чанъань, ответное посольство с дарами и тем закрепив союз с врагом своего господина. Однако это не вызвало разрыва с жужанями: по-видимому, переговоры велись в строгой тайне. Эти посольства на четверть века определили восточную политику тюркютской державы как союзницы Западной Вэй и ее наследницы Бэй-Чжоу, направленную против Северо-Восточного Китая, где с 550 г. укрепилась династия Бэй-Ци. Однако, включаясь в мировую политику, Бумын сознавал, что он слишком слаб, чтобы бороться с жужанями, данником которых он был. Бумын решил добросовестно выполнять долг союзника и вассала. Случай к тому представился в том же году.

Западные телеские племена тяжело переносили жужаньское иго. Наконец, их терпение лопнуло: они восстали и из западной Джунгарии двинулись в Халху, чтобы нанести жужаням удар в сердце. Поход был так плохо организован и время так плохо рассчитано, что здесь можно предположить скорее стихийный взрыв народного негодования, чем планомерно организованную войну. История не сохранила даже имен вождей восстания. Когда телесцы были на середине пути, из ущелий Гобийского Алтая выехали стройные ряды тюркютов в пластинчатых

¹⁴ Ань Нопаньто назван «кочевым иноземцем из Цзю-Цюань» [30, т. I, с. 228], т. е. из Хэси, откуда 100 лет назад вышла орда Ашина. Источник подчеркивает его происхождение не случайно: был послан человек, знавший язык тюркютов, и это указывает, что связи орды Ашина со своей прародиной утеряны не были.

¹⁵ В орхонских надписях он назван Бумын-каган. В. Бартольд [13а, с. 358] и П. М. Мелиоранский [111, с. 64, 94–95] пытались объединить его в одно лицо с Истеми-ханом. Однако Томсен [281, р. 95], Маркварт [243, S. 185], Аристов [4, с. 9] и Г. Е. Грумм-Гржимайло [44, т. II, с. 219] блестяще доказали, что это два брата, соответствующие китайским Иль-хану Бумыну и Истеми.

¹⁶ У Н. Я. Бичурина стоит 535 г., но эта дата менее вероятна, так как империя только что распалась и расстановка сил была еще неясна. Дату 545 г. дает Лю Мао-цзай [240, S. 6].

панцирях с длинными копьями, на откормленных боевых конях. Телесцы не ожидали флангового удара, а кроме того, они собрались воевать не с тюркютами, от которых они никогда не видели ничего плохого, а с ненавистными жужанями. Поэтому они немедленно изъявили полную покорность Бумыну, а он, приняв ее, совершил второй нелояльный поступок по отношению к Жужани.

Покорность в степи – понятие взаимообязывающее. Иметь в подданстве 50 тыс. кибиток [30, т. I, с. 228]¹⁷ можно лишь тогда, когда делаешь то, что хотят их обитатели; в противном случае лишишься и подданных и головы. Телесцы хотели одного – уничтожить жужаней, и Бумын, очевидно, это знал, когда принимал их в свою орду. Но так как этого хотели и его соплеменники, то война была неизбежна. Стремление своих подданных разделял хан, и поэтому события потекли быстро.

Разгром Жужани

Стремясь вызвать конфликт с жужанями и вместе с тем не желая оказаться в роли обидчика, Бумын пошел на провокацию. Он обратился к жужаньскому хану Анахуаню с просьбой дать ему в жены царевну. Это сразу поставило бы его, по степным обычаям, на равную ногу с ханом, на что тот не мог согласиться, не роняя своего авторитета. Разгневанный хан ответил грубо: «Ты мой плавильщик [тюркюты плавили для жужаней железо], как ты осмелился сделать мне такое предложение» [30, т. I, с. 228]. Отказ ставил Бумына в положение обиженного, а он этого и добивался. Чтобы отрезать пути к примирению, он велел казнить жужаньского посла, и теперь союз с Западным домом Вэй ему весьма пригодился. Немедленно он возобновил переговоры с Вэнь-ди и летом 551 г. получил в жены китайскую царевну Чанле, что окончательно закрепило его авторитет среди кочевников. Стремясь использовать внезапность нападения, Бумын выступил в поход зимой 552 г. и одержал полную победу над жужанями. Анахуань кончил жизнь самоубийством, а сын его Яньлочен бежал к своим союзникам цисцам [8]¹⁸.

Бумын принял титул Ильхан, но в конце 552 г. умер. На престол вступил его сын, принявший титул Кара Иссык-хан (т. е. Черный Горячий хан)¹⁹.

Жужани, внезапно [234, vol. III, p. 350] разбитые тюркютами, выбрали вождем дядю своего погибшего хана, Дыншунцзы, и продолжали борьбу. Но в сражении около горы Лайшань они снова потерпели полное поражение. На их счастье, впрочем весьма недолгое, Кара Иссык-хан умер при загадочных обстоятельствах, сын его Шету [см. с. 64 этой книги] был отстранен, и на престол вступил младший брат Кара Иссык-хана, Кушу, с титулом Мугань-хан²⁰.

Новый хан был тверд, жесток, храбр, умен и ничем не интересовался, кроме войн [30, т. I, с. 229]. Поздней осенью 553 г. он снова разбил жужаней. Цисский император принял своих несчастливых союзников и отразил преследовавших их тюркютов [77]. Но жужани не могли ужиться в Китае. Лишенные своих стад и имущества, не привыкшие к труду, они принялись разбойничать, и цисское правительство было вынуждено уже весной 554 г. направить против них войска. Жужани потерпели поражение. Но это не изменило их поведения, и летом 555 г.

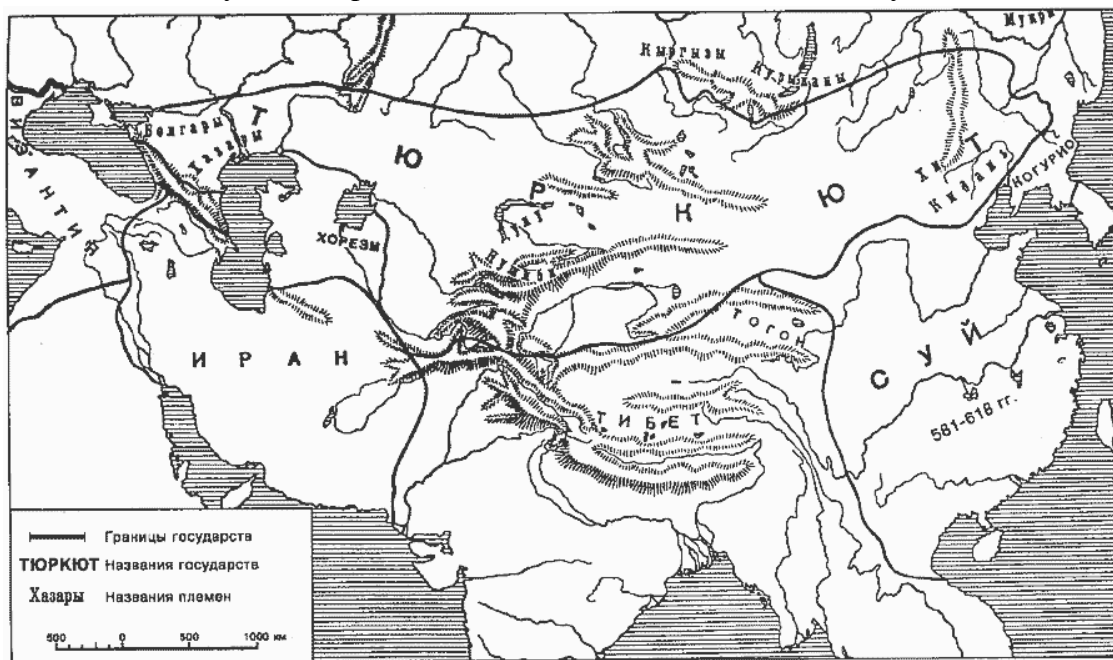
¹⁷ Г. Е. Грумм-Гржимайло предполагает, что против жужаней выступали «парпурумы» [44, с. 220], но число кибиток совпадает с численностью всех телеских племен Центральной Азии, приводимой Д. Позднеевым [128, с. 38–39]. Поэтому надо думать, что Бумын покорил всю конфедерацию телеских племен, до тех пор населявших Джунгарию и после гибели жужаней распространившихся на восток до Байкала и Керулена.

¹⁸ С. Жюльен переводит иначе: Анахуань сам убил своего сына Янь-лочена и бежал в Пи [234, vol. III, p. 330], но Гань-му (в переводе Иа-кинфа [см.: 76]) сообщает о самоубийстве Анахуаня.

¹⁹ Коло Исиги-хан.

²⁰ Этот хан имел имена: «звериное» – Цзушу (кушу – птица); родовое – Сыгинь (йегин – внук, племянник); прозвище – Янды – победитель; титульное – Муюй, или Мугань-хан. Мы сохраняем за ним последнее имя, ставшее привычным в научной литературе [см.: 234, p. 331].

цисский император изгнал жужаней со своей территории в степь, где их немедленно разгромили тюркюты и кидани [240, S. 35]. Дыншуцзы с остатками орды бросился искать убежища в Западной Вэй, но там нуждались в тюркютах как союзниках против империи Ци и выдали тюркютскому послу три тысячи связанных жужаней. Посол велел обезглавить всех взрослых, но пощадил детей и «следовавших за князьями» слуг [30, т. I, с. 208]. С жужанями было покончено, и тюркюты стали хозяевами всей восточной половины Великой степи. За оказанные услуги по истреблению жужаней тюркюты расплатились с Западной империей Вэй в том же 556 г. В то время когда жужаньские головы катились перед восточными воротами Чанъани, соединенные тюркско-китайские войска ворвались в Тогон, население которого должно было искать спасения в горах Наньшаня [76, с. 85]. Победители взяли резиденцию хана Куалюя – городок Шудунь, находившийся возле Кукунора, и другой городок – Хэмчен. На следующий год тогонцы попытались отплатить за набег набегом на китайские земли, но, не умея брать крепостей, вынуждены были отступить. Империя Ци ничем не могла помочь своим гибнущим союзникам, так как еще ранее истратила силы на отражение киданей с севера (553 [207, р. 359]) и царства Лян с юга (555 [77]). Окрыленный успехами, сын Юйвынь Тая, Юйвынь Цзю, осмелился отбросить ширму легитимизма и, заставив отречься последнего императора династии Вэй, в 557 г. вступил на престол и назвал свою династию Бэй-Чжоу.

Тюркютская держава в конце VI в.

Война на востоке

Расправившись с жужанями, тюркюты перешли к решительным действиям против своих кочевых соседей. 554 год был годом, когда из княжества создалась империя. На севере было завоевано государство Цигу. Что понимали китайцы под наименованием Цигу – кыргызов или чиков – неясно [44, с. 222, 311], так или иначе с этого времени Мугань-хан обеспечил свою северную границу, хотя форсировать Саяны тюркютам не удалось [см.: 189, р. 146]²¹.

²¹ Названный в тибетском тексте Зама-каган, или Зама-могань, по остроумной догадке Пелльо, – Мугань-хан [см.: 189, р. 151]. Имя «Зама» не может быть «Озмыш», так как Озмыш-хан, последний государь голубых тюрков (см. ниже), за два года своего царствования (742–744) походов на север не совершал [ср.: 204, р. 13]. Надо думать, что слово «Зама» следует читать «Азма» – «не сбивающийся с пути» (негативная форма глагола «аз»). Подобные эпитеты часто встречаются в титулатуре тюркских ханов.

На востоке в это время обитали три народа: татабы, которых китайцы называли хи, кидани и тридцать татарских племен, носивших у китайских географов имя Шивэй [34]. Все три народа говорили на диалектах монгольского языка, были близки по быту и культуре, но всегда враждовали между собой. Татабы жили по западным склонам Хингана и поддерживали союз с Бэй-Ци [30, т. II, с. 73]. Кидани занимали степную часть Маньчжурии, к северу от р. Ляохэ. Они постоянно воевали с татабами и, следовательно, вступали в конфликты с Бэй-Ци. В 553 г. император Бэй-Ци, Вэнь-ди, разгромил и подчинил себе значительную часть киданьского народа. Остальные или бежали в Когурио (Корею) [там же, с. 75], или подчинились тюркютам, которые вышли к бассейну Желтого моря.

В результате победы над киданями государство Бэй-Ци не усилило, а, наоборот, ухудшило свое внешнеполитическое положение, так как теперь тюркютские владения охватили его с севера. Жестокая расправа над остатками сяньбийцев и открытое покровительство буддизму, поглощавшему огромные средства, ослабляли сопротивляемость внешним врагам. А в это же время Бэй-Чжоу росло и крепло – как благодаря союзу с тюркютами, так и потому, что его правители опирались на служилое сословие и не тратили средств на буддийских и даосских монахов. Император У-ди в 579 г. издал указ о запрещении буддизма и даосизма; этот китайский Генрих VIII принял имя «Небесное начало», приказал поставить статуи Будды и Лао-цзы по бокам своего трона и, сев между ними, принял публичное поклонение [240, S. 36; 207, p. 380], стремясь тем самым скомпрометировать религию. Чжоуская империя начала приобретать известность даже в Западной Азии, где различные владельцы стремились установить с ней связи. Так, в 553 г. пришло посольство от эфталитов [30, т. II, с. 269], в 555 г. – из Ирана [там же, с. 263]. После же нового разгрома тогонцев, на этот раз силами только чжоусцев, послов прислали: в 559 г. – Гаочан (Турфан) [30, т. II, с. 252–253], в 561 г. – Куча [там же, с. 257] и в 564 г. – Карашар [там же, с. 256].

Главной задачей империи Бэй-Чжоу было уничтожение восточной империи – Бэй-Ци, но последняя имела внутренние ресурсы, при умелом использовании достаточные для сохранения самостоятельности. Все решал вопрос, на чью сторону встанет тюркютский хан.

В 561 г. оба императора направили к Мугань-хану послов с просьбой выдать замуж царевну. Подарки, представленные из богатого Бэй-Ци, чуть было не решили дела, однако дипломатическая ловкость чжоуских послов вынудила Мугань-хана сохранить верность союзному договору [30, т. I, с. 232; 234, p. 337; 240, S. 20]. Он решил наверстать потерю подарков приобретением военной добычи.

В 563 г. союзники осадили г. Цзиньнянь, но успеха не имели, и тюркюты, ограбив страну, вернулись в родные степи. На следующий год поход был повторен, но полное поражение одной из чжоуских армий, нанесенное цисцами под Лояном [77], заставило Мугань-хана отвести войска. И все же, несмотря на эту неудачу, он отверг снова ему предложенный союз с Ци. Это объясняется тем, что согласно союзному договору империя Чжоу выплачивала тюркютам ежегодно по 100 тыс. кусков шелковых тканей.

В 572 г. Мугань-хан умер. Его брат и наследник Тобо-хан заключил мир с империей Ци, не порывая с империей Чжоу. Когда же последняя осмелилась отказаться от взноса дани, одной военной демонстрации тюркютов оказалось достаточно для восстановления исходного положения. Империя Ци, страшась тюркютских набегов, истощала свою казну, выплачивая дань за мир. Тобо-хан говорил: «Только бы на юге два мальчика [Чжоу и Ци] были покорны нам, тогда не нужно бояться бедности» [30, т. I, с. 233].

Союз с империей Ци привел к культурному общению тюркютов с Китаем. В ставке хана появились буддийские монахи и обратили в свою веру Тобо-хана. Буддийский миссионер весьма наивно доказывал хану преимущество буддизма перед прочими вероисповеданиями богатством и силой империи Ци, соблюдающей закон Будды. Последовавший разгром Ци

разочаровал тюркютов в буддизме, и в 581 г., после воцарения династии Суй, буддисты должны были вернуться в Китай [240, S. 36–37].

В 576 г. чжоусцам удалось разбить цисцев и овладеть г. Пхинъянь. Попытка цисцев отвоювать город не имела успеха, и цисский император, осажденный в г. Ечен, перед его сдачей отрекся от престола в пользу князя Гао Юань-цзуна, который также попал в плен в 577 г.

Несмотря на разгром, низвергнутая династия обрела энергичного защитника в лице горожанина из г. Тайюань – Гао Бао-нина [240, S. 31–32]. Еще до поражения, в 576 г., он был назначен комендантом пограничной крепости Инчжоу в современном Чахаре. За короткое время Гао Бао-нин приобрел уважение не только китайцев, но и кочевников. После падения династии это обстоятельство обеспечило ему независимое положение. Гао Бао-нин не был беспринципным политическим честолюбцем; в нем появились те моральные силы, которые способствовали возрождению Северного Китая: верность долгу, патриотизм и непреклонное упорство в борьбе. Он отверг предложение победителя о почетной капитуляции и объявил себя сторонником последнего представителя династии Ци – князя Гао Шао-и, убежавшего к тюркютам. За этот поступок Гао Бао-нину было пожаловано звание канцлера (конечно, без возможности занять должность).

Тюркютский хан, очевидно опасаясь чрезмерного, с его точки зрения, усиления Бэй-Чжоу, также принял сторону побежденной династии. К союзу примкнул и полководец Люй Чжан-цзы, восставший против своего императора и укрепившийся в Фаньяне [31, с. 17] (около Пекина).

Гао Бао-нин немедленно мобилизовал все имевшиеся в его распоряжении силы и выступил на стороне Гао Шао-и. Но он опоздал. Его войска успели только достичь берегов Ляохэ, когда до них дошла весть, что Фаньян разрушен и восстание подавлено. Гао Шао-и вернулся к тюркютам, а Гао Бао-нин укрепился в своей области.

Гораздо более страшным врагом для Бэй-Чжоу оказались тюркюты. В 578 г. Тобо-хан вторгся в Китай и наголову разбил чжоускую армию. Переговоры, начатые в 579 г., были прерваны, и военные действия продолжились с полным успехом для тюркютов. Однако китайскому послу удалось соблазнить Тобо-хана подарками, и в 580 г. был заключен мир, по которому Гао Шао-и был выдан и препровожден в столицу Чжоуского государства – Чанъянь. Умер он в ссылке в Сычуани [30, т. I, с. 234; 240, S. 33].

580 год был апогеем тюркютского могущества. В 581 г. Тобо-хан умер, а в Китае Чжоуская династия была свергнута злейшим врагом тюркютов – боевым генералом Ян Цзянем, основателем династии Суй, что полностью изменило политическую обстановку. Гао Бао-нин пережил своих противников и остался в Чахаре самостоятельным князьком, союзником тюркютских ханов [240, S. 44].

Война на западе

Проявляя активность на восточной границе, тюркюты одновременно совершили поход на запад. К сожалению, подробности этого чрезвычайно важного события освещены источниками недостаточно полно, но наметить общий ход событий все-таки можно.

Западный поход возглавил Истеми-каган, младший брат Бумына. Истеми-каган еще раньше сопровождал Бумыну и командовал десятью вождями, очевидно племенными [198, р. 38]; скорее всего, они были предводителями североалтайских племен угорского происхождения. Их потомками, ныне отюреченными, являются шорцы, кумандинцы, лебединцы и др. Не случайно имя хана Истеми не тюркское, а угорское и является названием духа-предка [225, р. 950 sq.]. Китайцы определяли численность его войск в 100 тыс. человек, но эта цифра отра-

жает не действительное количество воинов, а ранг полководца, в данном случае наивысший, что соответствует его титулу: «багадур-джабгу»²².

Свой поход Истеми начал позже 552 г., так как абары в этот год еще были самостоятельным племенем, приславшим дары на похороны Бумына²³, и, по-видимому, после решительного разгрома жужаней, происшедшего осенью 553 г. Самая вероятная дата выступления в поход – весна 554 г., когда с жужанями было покончено, а степи покрылись травой, что имело решающее значение для конницы.

Судя по скорости передвижения, тюркюты не встретили сильного сопротивления. В 555 г. их войско достигло «Западного моря» [234, vol. III, p. 331], под которым надо понимать не Каспийское, а Аральское море, так как Фирдоуси указывает следующие границы владений Истеми: «от Чина [Китая] до берега Джейхуна [Амударьи] и до Гульзариуна [Сырдарьи] по ту сторону Чача [Ташкента]» [210, VI, p. 310].

На основании этой цитаты мы можем довольно точно провести границу 555 г.: она шла севернее Ташкента, затем пересекала Сырдарью на повороте к северу и в широтном направлении шла до низовьев Амударьи и южного берега Аральского моря. Согдиана и Бухара в это время подчинялись эфталтам, с которыми и столкнулись завоеватели²⁴. Таким образом, тюркюты за полтора года подчинили себе весь центральный Казахстан, Семиречье²⁵ и Хорезм²⁶.

Но дальше пошло труднее. На северных берегах Аральского моря тюркюты натолкнулись на сопротивление племен хуни (хионитов)²⁷, вар²⁸ и огоров²⁹. Только к 558 г. эти племена были разгромлены и тюркюты вышли к Волге, гоня перед собой тех, кто отказывался покориться. Это были осколки племен вар и хуни – около 20 тыс. человек [66, с. 374; 5, с. 24], слившиеся затем в единый народ – аваров³⁰.

Тюркюты не перешли Волгу и ограничились подчинением Приуральских степей. На этом западный поход Истеми был закончен. То, что было достигнуто за четыре года, поставило перед каганатом ряд новых политических задач.

Появление единой державы, охватившей всю азиатскую степь, оказалось фактором огромного значения для дипломатии Китая, Византии и Ирана.

²² Багадур – слово монгольское, вошедшее в тюркский еще в VI в. *Ябгу* – заместитель хагана [см.: 50, с. 24].

²³ Шаванн ошибочно считает, что Истеми в походе на запад сопровождал своего старшего брата [198, p. 219], но во времена Шаванна этноним «араг» не был еще раскрыт и читался совместно со вторым этнонимом «аригим» как «араг-аригим» или парпурумы [111, с. 65; 267, S. 429], причем Радлов эту этническую группу сопоставлял с телеским племенем фуфоло. Вопрос решила статья турецкого ученого Bahaeddin Ögel «Kötürç yasitlarinen „Aurim lari ve „Fulin“ problem“. Bellten IX. № 33 (журнал Турецкого исторического общества), где он доказал, что апурум – не что иное, как Рум, т. е. Византия. Благодаря этим и другим исследованиям стало возможным уточнить время западного похода, что в свою очередь снимает гипотезу Шаванна о параллельном существовании двух ветвей тюркского народа – западной и восточной. Истеми отправился на покорение запада как джабгу (ябгу) своего племянника Мугань-хана, и упоминание в „большой надписи Кюль-тегина“ обоих братьев как предков восточных тюрков исключает наличие в древности двух ветвей этого народа. Разделение же произошло лишь в VII в. при обстоятельствах, которые будут нами рассмотрены ниже.

²⁴ Этот факт отмечен только в «Ганму» [см.: 77].

²⁵ Обитавшие там племена чуйской группы, дулу и нушиби, имели те же обычаи, что и тюркюты, и мало отличались по языку [198, p. 47].

²⁶ Среди подчиненных тюркютскому хану племен упомянуты холиаты [112, с. 381], которых отождествляют с хвалиссами русских летописей и тем самым с хорезмийцами [161, с. 95].

²⁷ Хиониты – потомки сармато-аланских племен, обитатели открытых С. П. Толстовым «болотных городищ» в низовьях Сырдарьи [см.: 51, с. 134].

²⁸ Вар, или уар, – соседи хионитов, племя угорской группы [см.: 169, с. 160].

²⁹ Огоры, или угры, – предки венгров; они обитали в VI в. на территории Башкирии и в степях между Волгой и Уралом [см.: 115, с. 96–97]. Рубрук сообщает, что население Башкирии еще в XIII в. сохраняло свой язык, который был понятен венграм [138, с. 122 и 211].

³⁰ Феофилакт Симокатта специально предупреждает читателя, что этих «псевдо-аваров» ни в коем случае нельзя смешивать с «истинными аварами», т. е. абарами, живущими в Средней Азии. Эта проблема вызвала продолжительную полемику [см.: 7, с. 64–65].

Политическая ситуация в Причерноморье в конце 50-х годов VI в. была весьма сложной и напряженной, главным образом вследствие тонкой и дальновидной политики Византии. Область низовьев Днепра и Дона занимал болгарский народ кутургуры. Родственные им утургуры жили на Кубани. Византия, страдая от набегов кутургуров на Фракию, дарами и посольствами побуждала утургуров к военным действиям против кутургуров. Ловкая политика Юстиниана довела оба эти родственных племени почти до взаимного истребления [5, с. 22].

К востоку от утургуров, в районе р. Кумы и в Дагестане, обитало крайне воинственное племя сабиров. Сабирь принимали активное участие в византийско-персидской войне сначала на стороне Ирана, потом против него. В 552 г. они завоевали Агванию, но уже в 554 г. были разбиты персами [239, т. 9, р. 328].

На берегу Кубани жили аланы, верные союзники Византии. Через них греки впервые получили известие о появлении нового варварского народа – аваров.

Авары в Причерноморье

Положение аваров, бежавших от тюркютского нашествия, на первый взгляд казалось безнадёжным: за ними стоял намного сильнейший враг, перед ними были сильные, многочисленные и богатые народы, привыкшие к войнам и умевшие побеждать. Авары были нищими беглецами, лишенными и стад, и родной страны. Как и почему они не только уцелели, но и победили, можно ответить, только внимательно рассмотрев политическую обстановку того времени.

Первой задачей аваров было оторваться от противника. Им это удалось лишь потому, что в это время в Средней Азии активизировались эфталиты и отвлекли Истеми, заявившего: «Авары не птицы, чтоб, летая по воздуху, избегнуть мечей тюркских, они не рыбы, чтоб нырнуть в воду и исчезнуть в глубине морской пучины, они блуждают по поверхности земли. Когда покончу с эфталитами, нападу на аваров, и они не избегнут моих сил» [112, с. 328].

Активные действия против эфталитов Истеми начал лишь в 561 г., когда Хосрой Ануширван заключил мир с Юстинианом и смог обратить внимание на восток. Окончательный мир в Средней Азии был заключен в 571 г., и лишь тогда тюркюты смогли снова обратиться на запад, но авары воспользовались передышкой столь успешно, что стали недостижимы для Истеми-хана.

Оторвавшись от тюркютов, авары стали искать союзников. Они попросили аланского вождя Саросия³¹ содействовать их сближению с Византией. Саросий принял участие в аварах и помог их послу пробраться в Лазику, откуда он был переправлен в Константинополь, где его приняли недоверчиво и неблагосклонно. Однако Юстиниан отправил ответное посольство с мечником Валентином во главе. Валентин привез аварам подарки и предложил начать действия против врагов империи, главным из которых в то время был Иран. Союз был заключен (558). Но, вместо того чтобы нападать на врагов Византии, авары обрушились на ее союзников.

Первой жертвой их оказались сабирь, которые приняли новый народ «вар» за истинных азиатских аваров (абар), нанесших в середине V в. им сильное поражение. Это недоразумение вызвало среди сабиров панику и решило победу аваров. Так оказалась фатальной небольшая лингвистическая ошибка. Вслед за сабирами пострадали утургуры, тоже верные союзники империи, а также залы, обитавшие на левом берегу нижнего Дона. Затем авары, переправившись через Дон, обрушились на антов и подвергли этот народ полному разграблению.

Подобно тому как на Кавказе аваров некоторое время поддерживали аланы, в Причерноморье эта роль выпала на долю кутургуров. Хотя источники не содержат прямых указаний

³¹ Г. В. Вернадский предполагает, что это не имя, а титул «Сар-и-ос», т. е. «глава осов» (перс.) [284, р. 194].

на заключение союза между аварами и кутургурами, но весь ход событий и косвенные данные позволяют полагать, что такой союз имел место.

С 551 по 558 г. кутургуры не решаются подступать к границам Византийской империи. Причина этого известна: восточная граница кутургуров благодаря тонкой византийской дипломатии находилась под угрозой со стороны утургуров, а западной – угрожали многочисленные антские племена, обитавшие по всей лесостепной полосе к северу от Причерноморских степей. Менандр писал, что авары «завели войну с утургурами», а вслед за тем набегами опустошили земли антов. «Владельцы антские были приведены в бедственное положение и утратили свои надежды» [112, с. 324]. К сожалению, Менандр не сообщает, какие именно надежды утратили анты, и вообще в его рассказе столь много умолчаний, что появляется необходимость критического пересмотра его сообщения о результатах аваро-византийских переговоров. После посольства Валентина авары громят именно сторонников Византии – сабиров, утургуров и антов. Так как эти действия шли вразрез с интересами Византии, то, естественно, в выигрыше оказался Иран.

В самом деле, совершенно невозможно допустить, что авары обратились только в Константинополь и, даже при удаче переговоров, игнорировали Ктезифон. Если принять предположение о заключении союза между аварами и персами, то становится понятным, почему авары принуждены были покинуть Кавказ. Верный союзник Византии, аланский князь Саросий в этих условиях не мог оказывать аварам поддержку, а лишенные ее авары, несмотря на одержанные победы, не могли задержаться в Предкавказье, тем более что у них в тылу стояла грозная сила тюркютов.

Но Заберган кутургурский, враг греков, естественно, рад был получить в лице аваров новых союзников, необходимых ему для борьбы с Византией и ее друзьями – утургурами и антами. Действительно, как только авары, разгромив утургуров, обезопасили кутургуров с тыла, Заберган предпринял новый поход на Балканы и дошел до стен Константинополя. Одновременно, сразу же после аварского посольства, в Константинополь явилось тюркютское (июль 558 г.) и встретило хороший прием. Вероятно, оно тоже сыграло роль в охлаждении греко-аварских отношений.

Таким образом, в 558 г. персидская дипломатия одержала победу, создав для Византии нового сильного врага и переправив опасных соседей со своих границ на Балканы. Как будет видно из дальнейшего, персидско-аварский союз просуществовал до 628 г. и чуть было не расправился с Византийской империей.

Анты попытались договориться с аварами, отправив к ним посла Мезамира, ближайшей целью которого был выкуп пленных. Мезамир, явившись к аварам, вел себя так надменно и дерзко, что был убит аварами, несмотря на его положение посла. Расправившись с послом, авары продолжали грабить и порабощать антов.

Заручившись поддержкой такого энергичного союзника, кутургурский князь Заберган решил, что с востока ему больше никто не угрожает, и, заключив союз со славянами, вторгся в Византию. В марте 559 г. он перешел Дунай по льду и разделил свое войско на три отряда: один двинулся через Македонию в Элладу и проник к Фермопилам, второй угрожал укреплениям, защищавшим Херсонес Фракийский, а третий, во главе которого стоял он сам, прорвался через пролом в Длинной стене, пострадавшей от землетрясения и по преступной небрежности не восстановленной.

В Константинополе началась паника: из мрака забвения был извлечен престарелый военачальник Велизарий, который отогнал варваров от столицы. Прочие отряды были также отбиты. Но тем не менее Заберган разбил лагерь во Фракии и продолжал грабежи до тех пор, пока ему не была выплачена солидная сумма и обещаны такие же «дары», как и утургурам. Только тогда кутургуры покинули Фракию.

Юстиниан немедленно снесся с вождем утургуров Сандилхом, после чего угургуры напали на один из отрядов Забергана, возвращавшийся из Фракии, уничтожили его, и отбитую добычу Сандилх вернул грекам. Война, последовавшая вслед за этим, настолько же ослабила оба народа, насколько послужила на пользу аварам.

В 565 г. Юстин II прекратил выплату аварам даров, считая империю достаточно могущественной. Но силы аваров росли. В 565 г. они уже громили Тюрингию и удачно воевали с франкским королем Сигезбертом. В 567 г. авары в союзе с лангобардами уничтожили гепидов, которым оказывала помощь Византия, и овладели долиной Тиссы.

Год спустя, после ухода лангобардов в Италию, авары стали хозяевами всей Паннонии и грозой Центральной Европы. Их силу составляли вспомогательные войска из антов, западных славян и кутургуров, полностью подчинившихся аварскому хану. Первый аварский хан Баян, угрожая Византии, в 568 г. цинично заявил: «Я таких людей пошлю на Римскую землю, потеря которых не будет для меня чувствительна, хоть бы они совсем погибли» – и послал в набег 10 тыс. кутургуров [112, с. 391].

Описанные события обнажают пружины международной политики 60-х годов VI в. Иран и Византия были непримиримыми врагами. Для аваров, как противников Византии, был необходим союз с Ираном, тогда как тюркюты, враги аваров, могли находиться с Византией в самых дружеских отношениях.

Но эту расстановку сил осложняло наличие государства эфталитов, враждебного и тюркютам и Ирану. Поэтому Истеми-хану союз с Хосроем Ануширваном был более привлекателен, нежели переговоры с Юстином [210, VI, р. 310]. Около 560 г. персы и тюркюты заключили наступательный союз: первые для того, чтобы «отомстить смерть шаха Пероза» [277, р. 161–162], вторые – чтобы овладеть цветущими городами Согдианы.

Эфталиты были вынуждены воевать на два фронта, и даже на три, так как эфталитский царь Михиракула, владея Кашмиром и Пенджабом, упорно сражался с индийцами [154, с. 94–95].

Разгром эфталитов

Восточная политика сасанидского Ирана изучена недостаточно, но даже отрывочные сведения, сохранившиеся в источниках, убеждают исследователя в том, что она была гибкой и прозорливой. Так, например, усиление Северо-Западного Китая было сразу отмечено в Иране, и уже в 555 г. в Чанъань прибыло персидское посольство. Одновременно было отправлено посольство и к тюркютам (прибыло оно, естественно, раньше), установившее союз, скрепленный браком шаха и дочери хана Истеми³².

Эфталиты, потеряв своих союзников – жужаней, забеспокоились и также пытались в 553 г. завязать отношения с Китаем, но Юйвынь Тай, правитель империи Западная Вэй, был в союзе с тюркютами, и эфталитские намерения, видимо, не встретили сочувствия. В среде самих эфталитов не было единомыслия. Вельможа Катулф удерживал царя Гатфара от войны, но, будучи оскорблен царем, предал своих единоплеменников и бежал к персидскому шаху [112, с. 328, 372].

Активные военные действия начались в 560 г., после того как их спровоцировал Гатфар. Обеспокоенный сношениями кагана с шахиншахом, он решил сделать все, чтобы воспрепят-

³² Фирдоуси считает, что этот брак был заключен после разгрома эфталитов, т. е. после 569 г., но сын турчанки – Хормизд IV наследовал престол в 579 г., а был низложен 6 февраля 590 г., имея уже отрока сына [153, с. 34; 123, с. 88]. Уже Шаванн отверг столь позднюю дату [198, р. 229], но, по версии Табари, брак и союз были заключены за год до войны против эфталитов, которая началась, по китайским сведениям, в 555 г. По-видимому, китайцы получили информацию от персидского посольства. Эта дата совпадает с началом западного похода Истеми, и возраст Хормизда перестает вызывать сомнения: в момент гибели ему было 36 лет, а сыну его – 16–18 [см.: 251, S. 187; 278, р. 161–162]. Посольство упоминается также Белазури и Ибн-Хордадбегом, но их изложение крайне искажено и неправдоподобно [см.: 203, р. 380].

ствовать такому сближению. Тюркютское посольство, двигавшееся через Согд, было вырезано, за исключением одного всадника, которому удалось спастись и принести грустное известие Истеми-хану [210, VI, р. 310]. Война стала неизбежной. Истеми мобилизовал все наличные войска, причем среди них оказались хотанцы [ibid., р. 312], бывшие до этого подданными эфталитов. Хосрой Ануширван опередил своего союзника и нанес первое поражение эфталитам в 562 г. [112, с. 377]³³, но война этим не закончилась.

Первой жертвой тюркютского авангарда оказался Чач (Ташкент), где тюркюты устроили резню [210, VI, р. 312]. Затем главные тюркютские силы, перейдя р. Чирчик [237, с. 302], соединились в Маймург³⁴ со своим авангардом. Эфталиты сосредоточивались у Бухары [210, р. 312], но Гатфар, не решившись принять бой на равнине, где превосходная тюркютская конница имела преимущества, отступил в горы и принял бой у Несефа (Карши) [239, t. X, р. 63].

По словам Фирдоуси, согдийцы при наступлении тюркютов много плакали, но воевать за эфталитов не хотели. Битва у Несефа продолжалась восемь дней и кончилась полным разгромом эфталитов (565). Уцелевшие, поняв, что время самостоятельности для эфталитской державы прошло, низложили Гатфара и выбрали царем чаганианского князя Фагониша, обязав его подчиниться Хосрою Ануширвану, который, по их мнению, мог противостоять тюркютам.

Хосрой, получив одновременно письмо кагана и предложение покорности от Фагониша, не ответил ни тому, ни другому. Вопреки мнению вельмож, опасавшихся оголять западную границу, он во главе всех своих войск двинулся в Хорасан [210, VI, р. 316 sq.].

Когда общий враг был сломлен, союзники оказались врагами. Разногласия между каганатом и Ираном, которые до сих пор приглушала необходимость расправиться с общим врагом, теперь вскрылись и оказались весьма глубокими и даже непримиримыми. Но их разбору мы посвятим следующую главу, а пока вернемся к эфталитам.

Добившись гегемонии в Средней Азии силой оружия и жестокостью, эфталиты не завоевали популярности в странах, ими покоренных.

VI век для Средней Азии был временем экономического и культурного подъема. Росли и богатели города, процветали земледелие, ремесла и торговля. Согдийцы выступали в это время как опытные и умелые купцы-посредники. Они установили регулярную связь между Китаем и Средиземноморьем, используя для этого древние караванные пути. Но торговле мешал разбой жужаней и постоянные войны, которые эфталиты вели со своими соседями. Тюркюты, объединившие степь и Согдиану, открыли для торговли великолепные возможности, и согдийские купцы стали верноподданными тюркютских ханов. Тюркютам было выгодно иметь таких лояльных подданных. Так Средняя Азия сделалась неотъемлемой частью каганата. Создавшееся положение отрезало эфталитам пути к реваншу и заставило их замкнуться в своих горах, где остатки их уцелели вплоть до нашего времени [51, с. 129–140].

³³ Vivien de Saint Martin (*Les Huns blancs...* р. 77) дает близкую дату – 563 г.

³⁴ Маймург – княжество в Самаркандской области, к югу от Заревшана [14, с. 95].

Глава четвертая

Шелк и караванный путь

Караванная торговля

Разгромив эфталитов и северокитайские царства, тюркюты достигли не только политического, но и экономического могущества, так как в их руках оказался великий караванный путь, соединяющий Запад и Восток.

Путь этот начинался в Чанъани и шел вдоль склонов Наньшаня через многочисленные долины, орошаемые стекающими с хребта ручейками. Этот участок пути был легок, но затем следовал крайне тяжелый переход через пустыню до оазиса Хами, а оттуда в Люкчунскую впадину к Турфану. Оба эти оазиса и еще несколько соседних составляли самостоятельное княжество Гаочан, населенное потомками китайских военно-поселенцев, совершенно освоившихся на новой родине.

От Гаочана караванный путь раздваивался. Одна его ветвь пролегла по южным склонам Тянь-Шаня через Карашар, Кучу и Аксу, затем мимо Иссык-Куля в долину р. Чу и оттуда через Таласскую долину в Исфару. Другая ветвь, северная, начиналась также в Гаочане и шла по южной Джунгарии через Урумчи, Манас, Куркараусу и горы Ирэнъ-Шабирган в долину р. Или и оттуда на юг, в Среднюю Азию. Кроме того, была еще одна трудная дорога через перевалы в Тянь-Шане из Карашара через долину Юлдуза в долину Или, но ею пользовались редко [198, р. 5]³⁵.

В Средней Азии караваны отдыхали. Одним из крупнейших перевалочных пунктов был г. Пайкенд. Оттуда путь шел через Хорасан на Рей и Хамадан и через византийскую крепость Несевию (Низиб) в Сирию и Константинополь. От Китайского моря до границ Персии считалось 150 дней пути, а отсюда до Низиба на римской границе еще 80 дней [68, с. 542].

Торговля была весьма оживленной и доходной, но обслуживала не народные массы, жившие в условиях натурального хозяйства, а социальную верхушку, нуждавшуюся в предметах роскоши. Китайцы получали из Ирана исключительно для своих императриц знаменитую краску для бровей, стоившую очень дорого. Вавилонские ковры были также редкостным товаром. Наконец, в Китай ввозились подлинные и искусственные сирийские драгоценные камни, кораллы и жемчуга с Красного моря, ткани из Сирии и Египта, наркотики из Малой Азии [203, р. 129]. Но наиболее важным предметом торговли был шелк, который начал поступать в Европу со времен Августа. Потребность Византии в шелке была огромна, так как помимо нужд двора и аристократии шелк использовался как валюта при сношениях с варварами, в частности при найме вспомогательных войск.

Притязания Юстиниана на мировое владычество вынудили византийское правительство поддерживать дипломатические связи со всеми государствами Европы до англосаксонских королевств включительно. На подарки, подкупы, наем воинов требовалось огромное количество шелка. За шелк Византия получала из Европы и союзников, и наемников, и любые товары, и рабов. Благодаря торговле Юстиниан мог вести мировую политику, которая подчинила его власти почти все Средиземноморье. Шелк в Византии ценился наравне с золотом и драгоценными камнями [37, с. 99].

Но артерия, снабжавшая Византию этим драгоценнейшим товаром, проходила через Северный Иран, и сасанидское правительство отнюдь не выпускало из рук контроль над караванной торговлей. Оставляя себе очень большую часть шелка-сырца для его обработки, иранцы

³⁵ Первым европейцем, прошедшим по третьей дороге из Киргизии в Карашар, был В. И. Роборовский в 1893 г. [см.: 149].

всегда имели возможность продавать свои изделия западным странам по ценам, которые они сами назначали [203, р. 128; 124, с. 187].

Добиваясь ослабления Византийской империи, персы, естественно, стремились не к увеличению ее товарооборота, а к повышению цен на шелк, с тем чтобы выкачать из Византии возможно больше денег и ослабить ее в политическом и военном отношении. Увеличение товарооборота не было выгодно Ирану, так как Византия при любых ценах компенсировала себя при перепродаже шелка на европейском рынке, что помогало ей наращивать военный потенциал. Поэтому персы тщательно регламентировали торговлю шелком, не только установив высокие цены, но и ограничив также количество шелка, вывозимого на запад [68, с. 543].

Естественно, что Византия не могла мириться с создавшимся положением, так как, переплачивая за шелк, она тем самым способствовала усилению враждебного ей Ирана. В промежутках между войнами константинопольский двор с огорчением видел, сколько золота уходит из страны в руки врагов государства [там же, с. 544]. Но попытки освободиться от экономической зависимости были безуспешны. Около 531 г. Юстиниан пытался договориться с Эфиопией, чтобы африканские купцы взяли на себя роль посредников и наладили перевозку шелка через Индийский океан [124, с. 198], но персы в индийских портах пользовались таким влиянием, что эфиопам не удалось отнять у них монополию закупки шелка, а мир, заключенный в 532 г., восстановил обычный порядок торговли [68, с. 546].

Новая война с Ираном, возникшая в 540 г., вынудила Юстиниана особым эдиктом понизить цены на шелк, но заставить персидских купцов продавать шелк по этим ценам не было никакой возможности. В результате в Сирии из-за отсутствия сырья разорились шелкоткацкие мануфактуры [68, с. 548; 125, с. 90–94]. В 570 г. Хосрой Ануширван, овладев Йеменом, окончательно закрыл византийцам доступ на восток через Красное море и Индийский океан. В это же время в историческую игру вступил новый партнер – тюркютский каганат. Выше было отмечено, что тюркюты выкачивали из Китая огромное количество шелка в виде дани. Несмотря на то, что ханы обвешивали шелком свои юрты, использовать весь получаемый ими шелк они не могли.

После разгрома эфталитов согдийцы стали подданными тюркютского хана. Они издавна славились и на Востоке и на Западе как ловкие посредники и купцы. От замены эфталитских хозяев на тюркютских они только выиграли, так как им открылся беспрепятственный и безопасный доступ во внутренние области Азии. В интересах согдийцев было максимальное расширение шелковой торговли, так же как и в интересах тюркютов, стремившихся найти сбыт для излишков шелка.

Согдиец Маниах

Итак, согдийские купцы совершенно справедливо сочли разгром эфталитов началом своего процветания. В самом деле, дорога в Китай была открыта и безопасна, сами тюркюты не знали, куда девать награбленный или полученный в виде дани шелк, и посредник мог нажиться как никогда до сих пор. Задача была лишь в том, чтобы доставить шелк в Византию, но об этом следовало договориться с персидским шахом. Истеми-хан со своей стороны шел навстречу желаниям своих новых подданных, тем более что это совпадало с интересами его приближенных. Поэтому хан охотно согласился на предложение согдийца-Маниаха послать его к Хосрою Ануширвану в качестве полномочного посла с поручением добиться разрешения на провоз через Иран запасов шелка, скопившегося у предприимчивых согдийцев. Посол даже предложил персидскому царю принять участие в торговле, т. е. покупать шелк самому и перепродавать его на Запад [112, с. 371–372]. Согдийцы при такой операции, несколько теряя на цене товара, значительно больше выгадывали бы на увеличении оборота.

Разумеется, персидское правительство не могло пойти на сделку, так как если бы оно переправило весь шелк в Византию, то через несколько лет на Евфрате стояла бы столь многочисленная наемная армия, что всех сил Ирана не хватило бы для ее отражения. Использовать же шелк внутри страны не позволяла низкая покупательная способность населения Ирана. Покупая шелк, персидский шах только терял золото, так же необходимое ему для проведения восточной политики, как шелк был нужен византийскому императору для политики западной.

Хосрой нашел выход из затруднительного положения, в которое его поставил союзный хан. По совету эфталита Катулфа привезенный шелк был оплачен и в присутствии послов сожжен. Это показало согдийцам, что персы не потерпят изменения существующего положения [124, с. 209]. Согдийцы немедленно пожаловались хану, и тот решил уладить конфликт. Он послал в Иран новое посольство, состоявшее из тюркютов. Но и это посольство тоже ничего не добилося. В довершение беды большая часть тюркютских послов умерла от какой-то болезни; вернулись лишь трое или четверо.

Тем временем Маниах успел уговорить хана разорвать союз с Ираном и войти в сношения с Византией. Однако возить шелк вокруг Каспийского моря через Кавказ было дорого и небезопасно: угры, бежавшие перед тюркютскими копьями, могли легко разграбить и вырезать купеческий караван. Дорога же через Иран была короче и легче. Поэтому Истеми-хан пошел на то, чтобы решить спор оружием. Он заявил, что послы были отравлены, и выступил как мститель³⁶.

Вполне понимая серьезность затеянной войны, хан поспешил обзавестись союзником. Он отправил в Константинополь посольство во главе с тем же Маниахом, которому было поручено заключить с императором Юстином не только торговый договор, но и военный союз против Ирана. Маниах добрался до Константинополя через Кавказ. Прибыл он как нельзя более вовремя. В 568 г. лангобарды вторглись в Италию, и император Юстин II благоразумно отказался от активной западной политики, столь истощившей финансы империи при Юстиниане. К тому же возобновление войны против Персии было неизбежно и пренебрегать мощным союзником не следовало. Поэтому император принял тюркютское посольство чрезвычайно благосклонно и для подтверждения союза направил в августе 568 г. вместе с возвращавшимся Маниахом полководца восточных городов Земарха Киликийца [112, с. 375]. Истеми-хан ласково принял византийского посла и в подтверждение искренности своих намерений пригласил его сопровождать войску, двинутому на Иран.

Хосрой не хотел войны. В долине р. Талас тюркютское войско встретило персидское посольство, но хан демонстративно посадил на пиру Земарха на более почетное место, чем персидских послов, и в его присутствии обратился к последним с упреками. Персидские послы

³⁶ Н. В. Пигулевская [125, с. 202–204] трактует эти события иначе, но, на мой взгляд, неубедительно. Она считает, что «тюрки, не вышедшие еще из полукочевого (? – Л. Г.) состояния, не были склонны к широкому торговому обмену, и только под давлением своих подданных – согдийцев – они согласились на то, чтобы последние, возглавляемые Маниахом, отправили посольство в Иран». Однако именно кочевые тюркюты умели извлечь шелк из Китая и снабдить им согдийцев, так как без войны китайцы шелка в нужном количестве не отдавали. Да если бы они и согласились продать шелк, то по тем ценам ни согдийцы, ни персы не смогли бы его оплатить и еще получить барыш. Именно потому, что тюркюты получали шелк в виде дани и добычи, они сбывали его согдийцам за бесценок, и тогда торговля становилась прибыльной. Затем, наличие давления покоренных на своих завоевателей допустить более чем трудно; наконец, Маниах был приближенным хана, и естественно думать, что он получил дипломатические полномочия именно от него, а не поехал объясняться с шахиншахом Ирана на свой риск. Фраза Менандра, что хан Истеми разрешил согдийцам «послать посольство самим», говорит лишь о том, что они приняли на себя ведение переговоров, надеясь лучше справиться с делом, чем не искушенные в дипломатии тюркютские беги. Н. В. Пигулевская считает, что согдийцы просили разрешения «беспрепятственно торговать шелком в иранском государстве», но Менандр прямо указывает, что их просьба была о пропуске шелка на запад, в Византию, пусть даже при посредстве персидской казны. Ниже Н. В. Пигулевская предполагает, что отказ шаха в пропуске шелка объясняется боязнью конкуренции, но ведь свободной торговли шелком в VI в. не было, – значит, не могло быть и конкуренции. Нельзя согласиться и с выводом: «Для Ирана тюрки не представляли желанных союзников». Как может страна, ведущая напряженную войну на одной границе, не хотеть, чтобы был мир на другой. Но логика событий толкала тюркютов и персов к войне, одинаково нежелательной для тех и других.

вернулись в Иран с вестью о войне. После этого хан отпустил Земарха и тот вернулся в Константинополь в сопровождении сына Маниаха и полномочного посла – тюркюта Тагма-Тархана³⁷. Сам Маннах в это время умер, но союз Византии и каганата пережил своего создателя и перешел по наследству к хазарским каганам, равно как и вражда с Ираном, которая продолжалась даже тогда, когда персидских царей сменили арабские халифы.

Дележ эфталитского наследства

Официальным предлогом возникшей войны было требование Истеми-хана, чтобы персы платили ему ту дань, которая раньше шла эфталитам [251, S. 158]. Отказ был неизбежен, и хан бил наверняка. Тюркютская конница быстро перешла Амударью и в Джурджане захватила «торговые города и порты сиров³⁸, прежде обладаемые персами» [168, с. 493]³⁹. Но линии пограничных укреплений, воздвигнутых персами еще в V в. против эфталитов, оказались для тюркютов непроходимыми. Наступление остановилось, а уже в 569 г. тюркюты вернулись в Согдиану [203, р. 373].

На этом военные действия и закончились, так как Истеми-хан вовсе не стремился разбивать лоб о регулярную и хорошо обученную армию шахиншаха. Зная, что Византия вот-вот начнет войну в Месопотамии и отвлечет туда персидские войска, он решил пока договориться о дележе эфталитского наследства. По договору 571 г. Хосрой Ануширван получил Синд, Бост, ар-Рохадж (Арахозия), Забулистан, Тохаристан, Дардистан и Кабулистан. Кроме того, персам подчинился наследственный удел эфталитского князя Фагониша – Чаганиан [251, р. 156–169]. Тюркютам досталась Согдиана.

Заключение мира было для Хосроя Ануширвана большой удачей. Во-первых, он продвинул границы своего царства на восток так далеко, как ни один из его предшественников; во-вторых, он освободил свои силы для войны на западе, где восстали армяне, передались византийцам грузины, активизировались в Аравии эфиопы и, наконец, в 572 г. выступили византийские войска и осадили Низиб. Перекинув на запад свои обученные войска, Хосрой быстро добился перелома в военных действиях и уже в 573 г. взял Дару [168, с. 493–495]. Собственно говоря, этими успехами он был обязан вынужденному бездействию тюркютского хана: авары, непримиримые враги тюркютов, завоевали степи от Савы до Дона, и Истеми-хану пришлось перенести свое наступление с юга на запад. Между 567 и 571 гг. тюркюты овладели всем Северным Кавказом⁴⁰ и сомкнулись с владениями Византийской империи около Боспора. Возможно, что они стремились там продолжить новый караванный путь для своих друзей и советчиков – согдийских купцов.

Византия, зажата в клещи персами и аварами, ухватилась за союз с ханом. В ближайшие годы к тюркютам были направлены посольства Евтихия, Иродиона, Павла Киликийского и Анангаста [239, t. X, р. 169]. Казалось, что союз упрочится и мост между Востоком и Западом будет сооружен, но события потекли по иному руслу.

Война с Византией

В 553 г. Византия завела собственную шелковую промышленность [168, с. 493; новейшая литература в кн.: 124, с. 204; 110, с. 47–51]. Личинки шелковичных червей были доставлены

³⁷ Тархан – титул, присваиваемый лицу, освобожденному от уплаты налогов.

³⁸ Сирами назывались купцы-посредники в шелковой торговле с Китаем [49, с. 23].

³⁹ М. Е. Массой полагает, что эти порты были в Джурджане, утраченном персами в 484 г. и захваченном тюркютами около 568 г. [110, с. 50].

⁴⁰ Тюркюты подчинили б-н-дж-р (болгар), беленджер и хазар, дошли до Дербента и, осмотрев укрепления, вернулись в степи [Табари 1, 2, с. 895–896; Ибн-аль-Асир, с. 9–10 – цит. по: 7, с. 137–138].

в Константинополь, по словам Прокопия Кесарийского, двумя христианскими монахами, а по словам Феофана Византийского, – неким персом, в выдолбленном посохе. Н. В. Пигулевская полагает, что личинки были принесены из согдийских городов [124, с. 205–206], а по мнению М. Е. Массона, ссылающегося на рассказ Феофана, они были доставлены из Джурджана [110, с. 50]. Шелководство развилось в Константинополе, Бейруте, Тире и Антиохии. К концу VI в. вопрос об импорте шелка уже не имел для Византии прежнего значения [там же, с. 49] и надежды тюркютов на овладение шелковой монополией оказались тщетными. Наличие конкуренции не могло не заставить их понизить цены на шелковые изделия, что значительно уменьшало выгоды от торговли.

Кроме соперничества в торговле шелком охлаждению византийско-тюркютских отношений способствовал аварский вопрос. Согласно договору 568 г. Византия обязалась не заключать мира и союза с аварами, поэтому, когда аварское посольство явилось к Юстину с просьбой о мире и позволении занять Паннонию, ему было отказано [168, с. 493]. Несмотря на это, авары утвердились в Паннонии и нанесли византийцам поражение, заставившее последних в 570 г. заключить мир [112, с. 400].

Этих двух обстоятельств было достаточно, чтобы произошла политическая перегруппировка. Тюркюты на Волге находились в среде только что покоренных племен, покорных лишь потому, что до сих пор тюркютская тяжелая кавалерия не имела равного себе противника. Внезапное усиление аваров создавало центр притяжения для всех врагов тюркютского каганата, в первую очередь для кутургуров, и являлось угрозой для самих тюркютов. Но пока авары были заняты войной с гепидами и греками и исход войны был неясен, тюркюты могли пренебречь слабым противником. Когда же авары создали мощное государство, обезопасившее себя миром с Византией, тюркюты не могли не обеспокоиться. И действительно, посольство Валентина 576 г. встречает совершенно иной прием, нежели предыдущее.

Посла принял Турксанф, один из восьми удельных князей (в это время тюркютская держава состояла из восьми уделов, подчиненных великому хану). На приветствия Валентина он ответил: «Не вы ли те самые римляне, употребляющие десять языков и один обман?» Выговорив эти слова, он заткнул себе рот десятью пальцами, потом продолжал: «Как у меня теперь во рту десять пальцев, так и у вас, у римлян, множество языков. Одним вы обманываете меня, другим – моих рабов вархонитов... Ваш царь в надлежащее время получит наказание за то, что он со мной ведет речи дружественные, а с вархонитами (он разумел аваров. – Л.Г.), рабами моими, бежавшими от господ своих, заключил договор. Но вархониты как подданные тюрков (тюркютов. – Л. Г.) придут ко мне, когда я захочу... Зачем вы, римляне, отправляющихся в Византию посланников моих ведете через Кавказ, уверяя меня, что нет другой дороги, по которой бы им ехать? Вы для того это делаете, чтоб я по трудности этой дороги отказался от нападения на римские области. Однако мне в точности известно, где река Данапр, куда впадает Истр, где течет Эвр и какими путями мои рабы вархониты прошли в Римскую империю. Небезызвестна мне и сила ваша. Мне же преклоняется вся земля, начинаясь от первых лучей солнца и оканчиваясь пределами запада. Посмотрите, несчастные, на аланские народы да еще на племена утигуров, которые были одушевлены безмерной бодростью, полагались на свои силы и осмелились противостать непобедимому народу тюркскому, но они были обмануты в своих надеждах. Зато они в подданстве у нас, стали нашими рабами» [112, с. 418–420].

Этот текст объясняет нам поворот тюркютской внешней политики, но мотивировка Турксанфа в изложении Менандра явно неполна. Турксанф при его осведомленности не мог не знать, что мир, который Византия заключила с аварами, был вынужден тяжелыми поражениями, понесенными греками на Дунае. Валентину было бы очень легко найти оправдание, но вместо этого он только ссылается на свое положение посла, гарантирующее ему безопасность, на старую дружбу с отцом Турксанфа и т. п. Короче говоря, он ведет себя как виноватый. Причину этого объясняют арабские историки Табари и Саалиби. В описании войн Хосроя Ану-

ширвана они сообщают, что, вернувшись из похода против византийцев, Хосрой обратился против хазар (т. е. западных тюркютов. — Л. Г.) и рассчитался с ними [279, р. 614; 278, II, р. 161]⁴¹. Это сообщение у Саалиби не датировано, но поставлено после взятия Антиохии; Табари же излагает здесь события вне хронологической последовательности. Действительно, до 575 г. византийские посольства находили у тюркютов самый теплый прием, но в 575 г. между Ираном и Византией было заключено перемирие и Хосрой с освободившимися войсками смог рассчитаться с союзниками своих врагов. Тюркюты же в период с 570 по 576 г. были заняты покорением Северного Кавказа. С их помощью византийский ставленник Гуарам Багратид получил престол в Картли (575) [196, р. 216]⁴². Надеясь на Византию, они не ожидали удара в спину.

В такой ситуации раздражение Турксанфа становится понятным. Последствия разрыва сказались немедленно. В 576 г. тюркюты, поддержанные утургурами, взяли Боспор, «и этим обнаружилось, что тюрки [тюркюты] ведут борьбу против римлян» [112, с. 423]. На этом наступление тюркютов не остановилось. Они вторглись в Крым, но, по-видимому, были вытеснены оттуда. Затем тюркюты попытались достичь Византии через Западный Кавказ [169, с. 160–161; 56, с. 72], но натолкнулись на сопротивление царства Эгриси, северная граница которого проходила по Кавказскому хребту. Проникнуть в Закавказье им не удалось, и в начале 80-х годов тюркюты должны были отступить, перебив при этом множество пленников. Прочно закрепиться они смогли лишь на равнинах Северного Кавказа и в предгорьях Дагестана вплоть до Дербента. Тюркская угроза для Византии миновала.

Китай и караванный путь

Теперь посмотрим, что извлекал источник шелка — Китай — из торговли, столь выгодной для тюркютов, согдийцев, персов и греков. Трудолюбивые китайские крестьяне производили этот ценный товар, но сами им почти не пользовались, ибо налоги были велики и собирались неуклонно. Получавшиеся за шелк предметы роскоши шли главным образом на удовлетворение прихотей двора и не играли заметной роли на внутреннем рынке. Более того, они стоили значительно меньше, чем вывозимый шелк, и для Китая в целом эта торговля была убыточной. Но правительство Бэй-Чжоу не могло, вернее, не смело изменить положение, так как его политические успехи целиком зависели от поведения тюркютских ханов; Бэй-Ци и Тогон были разбиты лишь благодаря помощи тюркютов, а кроме того, предстояло покорить Южный Китай, что было невозможно без обеспеченного тыла. Вместе с этим необходимо помнить, что династия Бэй-Чжоу была все-таки не китайского, а сяньбийского происхождения и опиралась на окитаенную сяньбийскую знать, превратившуюся в крупных землевладельцев Северного Китая. Нет нужды в том, что потомки тобасских «косоплетов» забыли свой язык и нравы, для коренных китайцев они оставались ненавистными варварами, потомками поработителей. Не менее одиозной для китайского населения была и внешнеполитическая линия бэй-чжоуского правительства. Союз с тюркютами, который так высоко оплачивался, показывал, что династия не порвала со степными традициями. Кроме того, гонение на даосизм и буддизм толкнуло эти влиятельные организации в ряды оппозиции. Наконец, присоединение многолюдного царства Бэй-Ци усилило китайский элемент в империи. Но решающую роль в назревавших событиях сыграла так называемая «группировка Гуаньлун».

В жестокое время падения династии Вэй много богатых китайских семей из Шаньдуня переселилось к Юйвынь Таю в Шэньси и обосновалось в областях Гуаньчжун и Лунси. Здесь они объединились с местными китайскими чиновниками и помещиками и на основе соседства,

⁴¹ Вероятно, Хосрой отнял у тюркютов города и порты в Джурджане, так как в дальнейшем эта область принадлежит Ирану.

⁴² М. Броссе подвергает эту дату сомнению, так как описанная ситуация похожа на ситуацию 589 г. Мне думается, что тут ошибка не в хронологии, а в описании события. Больше и позднее заслонило меньшее, более раннее. Иными словами, я верю летописцу, что Гуарам стал царем в 575 г.

этнического единства и родственных связей составили группировку, получившую название по месту обитания – Гуань (чжун) и Лун (си) – Гуаньлун. При последних бэй-чжоуских монархах вождь «гуаньлунцев» был полководец Ян Цзянь, дед малолетнего императора (по линии матери) [175, с. 178].

Ян Цзянь был «гневен, недоверчив и, не любя книг, действовал хитростью; он умел заставить бояться себя, и его приказы исполнялись быстро и точно, государственными делами он занимался с утра до вечера без признаков усталости» [207, р. 25]. Его политические симпатии и антипатии определились средой, на которую он опирался. Внутри страны им проводились мероприятия, направленные на смягчение социальных противоречий, а по отношению к соседям он предпочитал обострение отношений.

В 563 г. Ян Цзянь попытался изменить направление политики, вызвав конфликт с тюркютами. Обосновал он это следующим образом: «Тюркютские воины пренебрегают и наградами и наказаниями, мало уважают начальников и, по большей части, не соблюдают порядка. Управиться с ними нетрудно. Отсюда видно, что напрасно много говорят об их могуществе. Сим желают только побудить правительство щедро награждать посланников их, в надежде самим, отправившись туда, получить сугубое возмездие. Двор получает ложные донесения, а военные начальники при первом слухе о них предаются страху. Неприятели по наружности показываются мужественными, в самом же деле легко управиться с ними. Ныне, по моему мнению, и прежним и последним посланникам надлежит всем отрубить головы» [30, т. I, с. 232].

Однако эти слова отражают не реальную действительность, а программу «группировки Гуаньлун». Тюркютская тяжелая конница была не только более маневренна, чем китайская пехота, но в отличие от ранних кочевников приобрела умение действовать лобовым ударом. Столкновения 578–579 гг. доказывают военное преимущество тюркютов со всей очевидностью. Полемизируя со сторонниками ориентации на степь, Ян Цзянь пытается представить их продажными взяточниками, что вряд ли соответствует истине. Но самым важным его положением является предложение не давать тюркютам подарков, т. е. шелковых тканей. Это мероприятие действительно подорвало бы экономическую мощь тюркютских ханов и одновременно позволило бы снизить налог в самом Китае.

Итак, «группировка Гуаньлун» предлагала установить экономическую и политическую изоляцию страны. Предложенная программа была императором отвергнута, но Ян Цзянь умел ждать, а время работало на него. Требования тюркютов и силы китайцев возрастали пропорционально ослаблению сяньбийского элемента, лояльного династии Бэй-Чжоу. Весной 581 г. китайские вельможи подняли знамя мятежа против правительства, и к ним примкнули народные массы. Этот момент Ян Цзянь использовал для того, чтобы заставить последнего императора, мальчика девяти лет, отречься от престола в свою пользу. Несчастный ребенок был вскоре убит, а все члены рода Юйвынь казнены, после чего мятежи утихли. Новая династия получила название Суй.

Несмотря на то что «китайская» партия легко одержала полную победу, Ян Цзянь не решился доводить до отчаяния многочисленную сяньбийскую знать. Специальным эдиктом он подтвердил, что «все ранги и титулы предыдущей династии по-прежнему остаются в силе» [175, с. 180]. Окитаенная сяньбийская знать уцелела, и это определило дальнейшую историю как самого Китая, так и Срединной Азии. Ян Цзянь не мог идти на гражданскую войну, которая, несомненно, возникла бы без этого эдикта, так как перед ним стояли две важные политические задачи: покорение южного Китая, которое было легко завершено в 589 г., и разгром тюркютов. Последнее оказалось гораздо более тяжелым, чем предполагали вожди «группировки Гуаньлун».

Глава пятая

Внутри Каганата

Власть и народ

По китайским сведениям, провозглашение хана было обставлено сложным церемониалом: сановники сажали его на войлок и девять раз проносили кругом, по солнцу, под приветственные крики присутствующих. Затем его сажали на лошадь, стягивали шелковой тканью горло и, быстро ослабив петлю, спрашивали, сколько лет он желает быть ханом. В истории тюркютов незаметно, чтобы ответы на эти вопросы играли хоть какую-нибудь роль в определении срока правления; скорее всего, этот обычай сохранился как рудимент от того времени, когда хан был выборным племенным вождем. Наследование престола шло по сложной системе, о которой будет сказано особо.

Первым лицом в государстве после хана был ябгу. Собственно говоря, ябгу был вице-королем, и на эту должность чаще всего назначались члены царствующего рода. Например, при Ильхане Бумыне чин ябгу имел его родной брат Истеми. Но вместе с тем ябгу не был наследником престола; наследник назывался «тегин» вне зависимости от занимаемой должности. Титул «шад» принадлежал принцам крови, имеющим в своем управлении уделы, например, Сымо, впоследствии хан, не мог стать гладом из-за подозрения, что он незаконнорожденный [30, т. I, с. 260].

Чины меньшего значения получали лица, не принадлежавшие роду Ашина, но все должности были наследственными [там же, с. 299; 234, vol. III, p. 333; 240, S. 9, 498]. Можно на основании этого предположить, что тюркютское общество было аристократическим. Однако воздержимся от преждевременных выводов. Наряду со свободными и знатью тюркютское общество знало и рабов из числа военнопленных. Это были главным образом женщины. Истеми-хан подарил Земарху в 569 г. пленницу из народа кыргызы [112, с. 379]; пленницы из Китая вывозились при удачных походах тысячами; так, в 619 г. Чуло-хан, взяв Бинчжоу, «забрал в городе всех женщин и девиц», а ловля людей в Атрпатакане (628) запомнилась на Ближнем Востоке [30, т. I, с. 246; 77а, с. 128]. Наконец, из-за ссоры при дележе пленных Юйгушад лишился трона [30, т. I, с. 287–288]. Таким образом, следует признать, что тюркютам было известно рабство. Но тут встает вопрос: каким образом рабы могли быть использованы в кочевом хозяйстве? Раб, если он не калека, всегда может убежать на лошади хозяина, и затраты на него не окупятся. Очевидно, что положение раба не было тяжелым, и действительно, существует текст, свидетельствующий об этом. В 486 г. Шаболио-хану предложено было признать себя вассалом дома Суй. Шаболио спросил: что значит слово «вассал»? Ему ответили: «В царстве Суй вассал значит то же, что у нас слово „раб“». Хан ответил: «Я имею счастье сделаться рабом сына Неба» – и выразил свою радость подарком послу. Приведенная цитата заставляет призадуматься: что за радость быть чьим-то рабом? Очевидно, Шаболио-хан имел в виду что-то другое, когда узнал, что отныне он «qui» китайского императора. Адекватно ли мы переводим слово «qui» как раб, хотя оно, несомненно, отражает определенную зависимость? Не случайно, что китайцы эквивалентом слова «qui» считали не «nu», а «tch'in», что Н. Я. Бичурин переводит «вассал», а Ст. Жюльен — «sujet» [234, vol. III, p. 497] — подданный. К счастью, некоторые тексты орхонских надписей дают возможность уточнить значение слова «qui» и внести в проблему ясность. В «Большой надписи» Кюль-тегину говорится: «...табгач будунка баглик уры оглын кул болты, силик кыз оглын кюнг болты...» [104, с. 29], т. е. «...народу таб-

гач стали они [тюрки] „кулами“⁴³ своим крепким мужским потомством и «кулынями» своим чистым женским потомством». Но в это время тюрки жили в степях южнее Гоби своим бытом, пользовались многими привилегиями сравнительно с китайским населением империи Тан; участвуя в походах, делали блестящие служебные карьеры и привозили в свои юрты полные торока добычи. Налицо был лишь факт подчинения иноплеменному государю без какого бы то ни было социального угнетения.

Возьмем другой текст:

«[Эльтерес-каган]... привел в порядок и обучил народ, утративший свой эль [см. ниже] и своего кагана, народ, сделавшийся рабынями и сделавшийся рабами, упразднивший тюркские установления; он привел в порядок и наставил по установлениям моих предков» [104, с. 37–38]. Опять подчеркивается лишь подчинение иноземцу, но отнюдь не лишение личной свободы.

В третьем случае, когда описывается гибель Барсбега и указывается, что «народ его стал рабынями и рабами» [там же, с. 39], имело место простое завоевание, а не распродажа пленных на невольничьем базаре⁴⁴.

Итак, основное содержание понятия «qui» – подчинение чужому. Этот оттенок сохранился до XIX в., но поскольку поздние тюрки включились в систему мусульманской культуры с характерной для нее работорговлей, то термин «qui» стал применяться и к проданным рабам, чего в раннее время не было. Использование кулов в VI – VIII вв. было совсем иным: тюркюты приводили их на свои земли, селили в определенных местах и взимали с них налоги⁴⁵.

⁴³ У С. Е. Малова: «рабами» и «рабынями» [104, с. 37].

⁴⁴ С. П. Толстов, трактуя слово «qui» как «раб», делает вывод, что «идеология рабовладельца встает здесь во весь рост» [160, с. 45]. На основании разобранных текстов с этим согласиться нельзя. Другие же тексты, на которые он опирается, С. Е. Маловым читаются иначе [106, с. 16 (текст), с. 20 (перевод)].

⁴⁵ Эта система описана С. П. Толстовым вопреки сделанному им заявлению [160, с. 46–47].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.